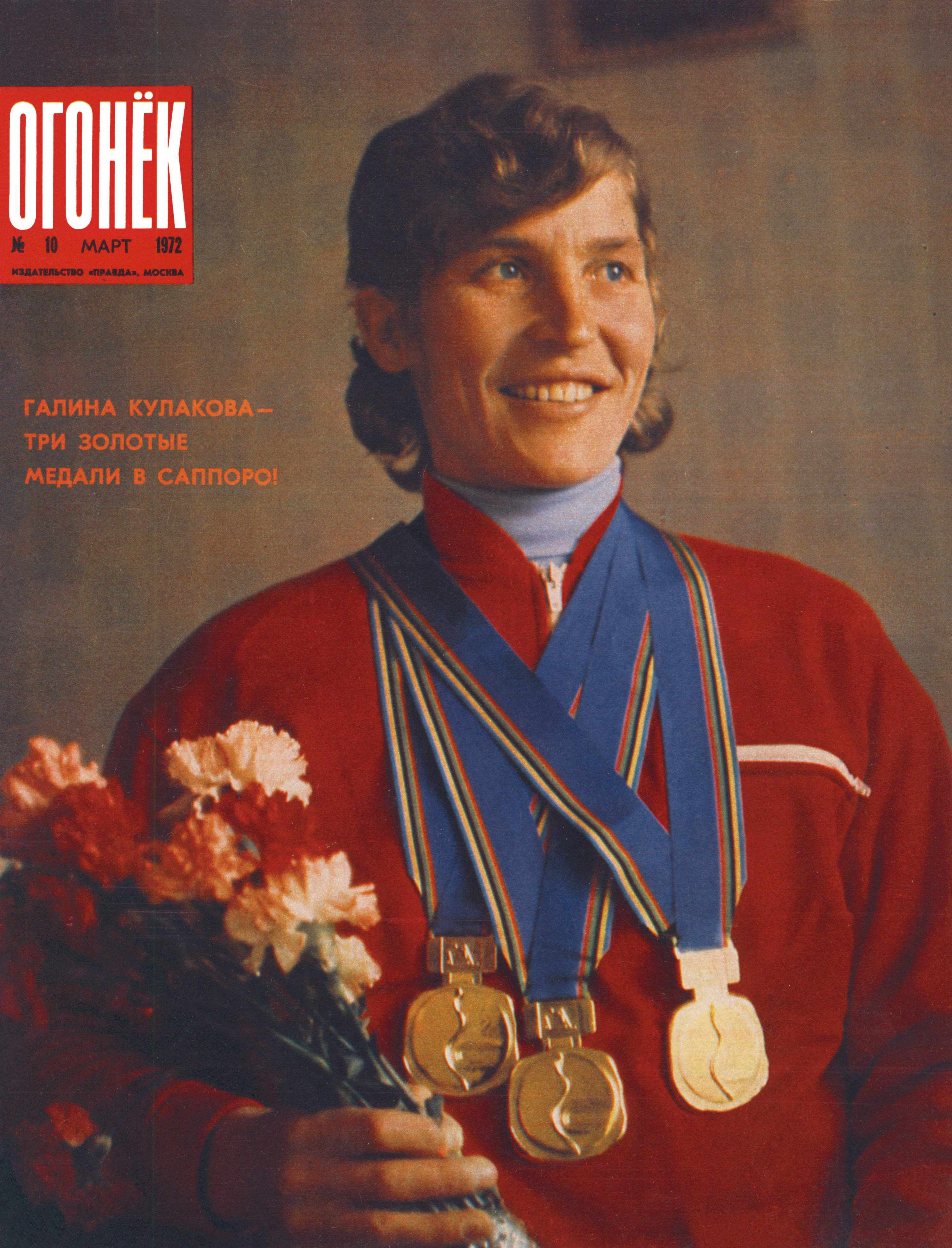

ОГОНЁК
№ 10 МАРТ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
ГАЛИНА КУЛАКОВА —
ТРИ ЗОЛОТЫЕ
МЕДАЛИ В САППОРО!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 10 (2331)

4 МАРТА

ДОМ ДЛЯ ТЕБЯ

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

ТАТАРИЯ

Галина КУЛИКОВСКАЯ
Фото Г. КОПОСОВА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

На строительстве Камского автомобильного завода работают представители 70 национальностей и народностей Советского Союза, прибывшие из 92 городов страны.

Зоя, невеста Урузби Карашаева, приехала в Набережные Челны в разгар осеннего ненастья. День и ночь шли дожди. В домах было холодно и сыро. Люди грели руки над электрическими плитками. Эти своеобразные камельки были единственным пока отоплением.

А тут еще Зою не прописывали в общежитии «Дружбы». Урузби рассказал об этом Латифу Пшихачеву, старшему по группе из Кабардино-Балкарии. И Латиф посоветовал: «Иди к Клюеву, бригадиру».

Продолжение см. на стр. 9—12.

Строится Камский автомобильный.

ПРЕЗИДЕНТ ФИНЛЯНДИИ В СССР

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства 25—27 февраля в Советском Союзе с неофициальным визитом находился Президент Финляндской Республики Урхо Калева Кекконен.

Во время визита состоялись встречи и беседы Л. И. Брежнева, Н. В. Подгорного и А. Н. Косыгина с Президентом У. Кекконеном, прошедшие в духе взаимопонимания и носившие дружественный характер.

Были подвергнуты обсуждению вопросы дальнейшего развития добрососедских отношений между Советским Союзом и Финляндией, а также наиболее актуальные проблемы современного международного положения.

Стороны с большим удовлетворением констатировали, что отношения между СССР и Финляндией, основанные на прочном фундаменте Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 года, идут по пути неуклонного развития.

При обсуждении международных проблем большое внимание было уделено обстановке в Европе и, в частности, вопросу о созыве общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству.

Стороны высказались за скорейшее проведение совещания и в этих целях считают необходимым перейти к осуществлению в Хельсинки многосторонних консультаций с участием всех заинтересованных государств. Они выразили надежду, что подготовка к совещанию будет проведена таким образом, чтобы оно могло состояться в 1972 году.

На снимке: встреча на Шереметьевском аэродроме.

Фото А. Устинова.

ВИЗИТ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА

По приглашению руководства Партии арабского социалистического возрождения и правительства Сирийской Арабской Республики с 21 по 26 февраля 1972 года в Сирии находилась с официальным визитом советская партийно-правительственная делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуровым.

Делегация совершила поездку по стране.

Как отмечается в принятом коммюнике, во время визита состоялись переговоры, в ходе которых в теплой, дружеской обстановке были рассмотрены вопросы отношений между обеими странами, перспективы их расширения и углубления в политической, партийной, экономической, торговой и культурной областях. Были обсуждены также актуальные международные проблемы, особенно проблемы, связанные с израильской агрессией против арабских народов.

В результате переговоров было подписано новое соглашение об оказании Советским Союзом экономического и технического содействия Сирийской Арабской Республике, которым предусматривается дальнейшее расширение сотрудничества в разных отраслях экономики, а также в подготовке кадров.

Стороны констатировали, что успешное развитие связей между Коммунистической партией Советского Союза и Партией арабского социалистического возрождения является важным фактором в укреплении дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Сирийской Арабской Республики.

На снимке: К. Т. Мазуров (слева) и Абдель Рахман Хлефауи подписывают соглашение между правительством Сирийской Арабской Республики и правительством Союза Советских Социалистических Республик об оказании Советским Союзом экономического и технического содействия Сирийской Арабской Республике.

Фото В. Егорова (ТАСС).

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: СИЛЫ МИРА И СИЛЫ АГРЕССИИ

Владимир КАТИН

Арабский Восток, где мне довелось пробыть около девяти лет, многолик, очень разнообразен и порой противоречив. Однако у египетских феллахов, ливанских рыбаков, иракских нефтяников, сирийских хлопкоробов и марокканских цитрусоводов неизмеримо больше общего, чем разъединяющего их. У народов этих стран общая история, во многом схожий хозяйственный уклад, культура, традиции, язык. Но главная общность целей и интересов арабских государств на сегодняшний день заключается в их совместной борьбе против происков империализма, за ликвидацию последствий вероломной израильской агрессии.

Прошло около пяти лет с тех пор, как была совершена эта империалистическая агрессия. Несмотря на всяческие ухищрения и провокации, Израилю и его американским опекунам не удалось за это время навязать арабам кабальные условия мира, не удалось добиться от них территориальных уступок. И все эти годы обстановка на Ближнем Востоке остается напряженной. Бикфордов шнур опасного конфликта не погашен, он тлеет, сохраняя угрозу взрыва. Повинны в этом только Израиль и его покровители.

На протяжении последних лет египетское правительство систематически делает шаги, направленные на справедливое урегулирование кризиса. Египет дал согласие выполнить все положения известной резолюции Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 года, если Израиль, разумеется, сделает то же самое. Египет согласился на временное прекращение огня, выразил готовность заключить соглашение о мире с Израилем при отводе израильских войск с захваченных арабских территорий, предложил открыть для судоходства Суэцкий канал после отвода от его восточного берега израильских войск.

СООБЩЕНИЕ ТАСС

ВЫДАЮЩИЙСЯ ЭКСПЕРИМЕНТ ЗАВЕРШЕН

Советской космической наукой и техникой одержана новая победа в исследовании Луны. Программа полета автоматической станции «Луна-20» успешно завершена.

25 февраля 1972 года возвращаемый аппарат автоматической станции «Луна-20» совершил посадку в расчетном районе территории Советского Союза. Блестяще решена очередная задача в изучении Луны. На Землю доставлены образцы лунного грунта, впервые взятые в труднодоступном материковом районе Луны.

Сложный космический эксперимент проходил в несколько этапов.

Запуск автоматической станции «Луна-20» состоялся 14 февраля 1972 года. После 105 часов космического полета станция вышла на селеноцентрическую орбиту. 19 февраля была проведена ее коррекция с целью обеспечения посадки в расчетном районе Луны.

21 февраля в 22 часа 19 минут по московскому времени автоматическая станция «Луна-20» осуществила мягкую посадку в горную материковую область между морем Изобилия и морем Кризисов. При этом была успешно решена научно-техническая задача посадки автоматического аппарата в район со сложным рельефом поверхности.

После посадки и проверки состояния бортовых систем были включены телефотометрические устройства. Полученные с их помощью изображения лунной поверхности позволили выбрать место для взятия пробы грунта. Все операции по забору грунта проводились по командам с Земли. Грунтозаборный механизм произвел бурение и забор образцов лунного грунта, которые затем были помещены в контейнер возвращаемого аппарата и загерметизированы.

В период работы станции на Луне уточнялись координаты местонахождения станции и проводилась подготовка к старту.

23 февраля в 1 час 58 минут по московскому времени, используя посадочную ступень как платформу, космическая ракета с возвращаемым аппаратом стартовала с Луны.

В ходе полета по трассе Луна — Земля в сеансах радиосвязи наземные станции командно-измерительного комплекса принимали телеметрическую информацию и проводили траекторные измерения. Полученные данные обрабатывались в координационно-вычислительном центре с целью контроля состояния бортовых систем и фактической траектории полета.

25 февраля космическая ракета станции «Луна-20» приблизилась к Земле со второй космической скоростью. В расчетное время произошло отделение возвращаемого аппарата от космической ракеты. После этого слежение за полетом возвращаемого аппарата до посадки на Землю осуществлялось наземными радиолокационными средствами.

При входе возвращаемого аппарата в плотные слои земной атмосферы началось аэродинамическое торможение. На его заключительном участке была введена в действие парашютная система, и в 22 часа 12 минут по московскому времени возвращаемый аппарат с большой точностью совершил посадку в расчетном районе в 40 километрах северо-западнее города Джезказгана Казахской ССР.

Поисковая служба, несмотря на исключительно неблагоприятные метеорологические условия: сильный ветер, метель и низкую облачность, обеспечила эвакуацию возвращаемого аппарата.

Все этапы сложного космического эксперимента — полет станции к Луне и по селеноцентрической орбите, мягкая посадка на поверхность, забор грунта, старт с Луны и возвращение на Землю — прошли в полном соответствии с программой.

Образцы лунного грунта, доставленные автоматическим аппаратом из материковой части Луны, будут переданы Академии наук СССР для научных исследований. Изучение и анализ пробы грунта из нового района Луны дадут данные для расширения знаний о природе и эволюции Луны.

Результаты исследований образцов лунного грунта будут опубликованы.

Полет советской станции «Луна-20» еще раз продемонстрировал широкие возможности исследований Луны и планет с помощью автоматических аппаратов и вписал яркую страницу в историю мировой космонавтики.

Так трезвая позиция арабской стороны создала реальную основу для разрешения кризиса. Достаточно было бы Израилю, в свою очередь, проявить добрую волю, и на Ближнем Востоке произошел бы подлинный поворот к миру. Однако этого не случилось. Опуская шлагбаум на пути политического урегулирования, израильское правительство всячески стремится затянуть кризис и укрепиться на захваченных арабских землях. Такая авантюристическая политика поощряется Соединенными Штатами, которые не только беспрекословно оплачивают астрономические счета расходов израильских милитаристов, но и выдают премии за агрессию. Недавно стало известно, что США предоставляют израильтянам новую партию военных самолетов — 42 «фантома» и 90 «скайхоков». «Теперь мы чувствуем себя увереннее» — так откомментировал этот жест Вашингтона израильский министр обороны, а правильнее — нападения, М. Даян.

Поддержка США, безнаказанность за международный разбой кружат головы зарвавшимся израильским экстремистам, давно утратившим чувство реальности. Об этом свидетельствуют события самых последних дней...

На оккупированной территории Синая, в районе Шейх Абир Кхин, были демонстративно проведены крупнейшие за всю историю страны военные маневры с участием танков и самолетов. Расположившись на мешках с песком, члены израильского правительства во главе с престарелой Г. Меир часами взирали, как в пустыне взрывались бомбы и стреляли орудия. Корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс передавал из районов маневров: «Демонстрация военной мощи подчеркивает твердую решимость Израиля остаться на огромной территории захваченной им Синайской пустыни...» Через несколько дней после маневров израильская военщина совершила массированное воздушное и наземное нападение на территорию Ливана. Становится все очевиднее, что Совету Безопасности пора наконец сделать надлежащие выводы и применить соответствующие санкции в отношении агрессора-рецидивиста.

Агрессору придется все-таки умерить свою прыть. Правителям Израиля никогда не удастся закрепить за собой захваченные чужие земли, не удастся остаться безнаказанными. В своей справедливой борьбе арабские народы не одиноки. В свое время Советский Союз вместе с братскими социалистическими странами предпринял все необходимое, чтобы остановить и осудить израильскую агрессию. «Советский Союз будет и впредь твердо поддерживать арабских друзей»,— заявил с трибуны XXIV съезда КПСС Л. И. Брежнев.

Такая линия КПСС и Советского правительства находит широкое практическое воплощение в постоянном развитии разностороннего сотрудничества СССР с арабскими странами. Важное значение для укрепления советско-арабской дружбы имеют ставшие традиционными личные контакты руководителей Советского Союза и арабских стран, в частности Египта, Сирии, Ирака, Народной Демократической Республики Йемен, Алжира, Марокко. Достигнутые во многих арабских странах успехи в строительстве национальной экономики, в укреплении обороноспособности в значительной степени были определены эффективным сотрудничеством с Советским Союзом. Поэтому сплоченность арабских стран на демократической основе и всемерное укрепление их связей с Советским Союзом являются важнейшими условиями для торжества справедливой борьбы за ликвидацию ближневосточного кризиса.

На снимке — небольшой участок лунной поверхности в непосредственной близости от посадочной ступени. В левой части снимка видна штыревая антенна радиокомплекса посадочной ступени. Снимок сделан при высоте Солнца над местным лунным горизонтом, равной 60°. Ввиду этого тени от всех предметов короткие, контрастность их не очень велика. На снимке участок бурения очерчен белым квадратом. В центре снимка — штанга с буровым устройством, отведенным в сторону после операции бурения.

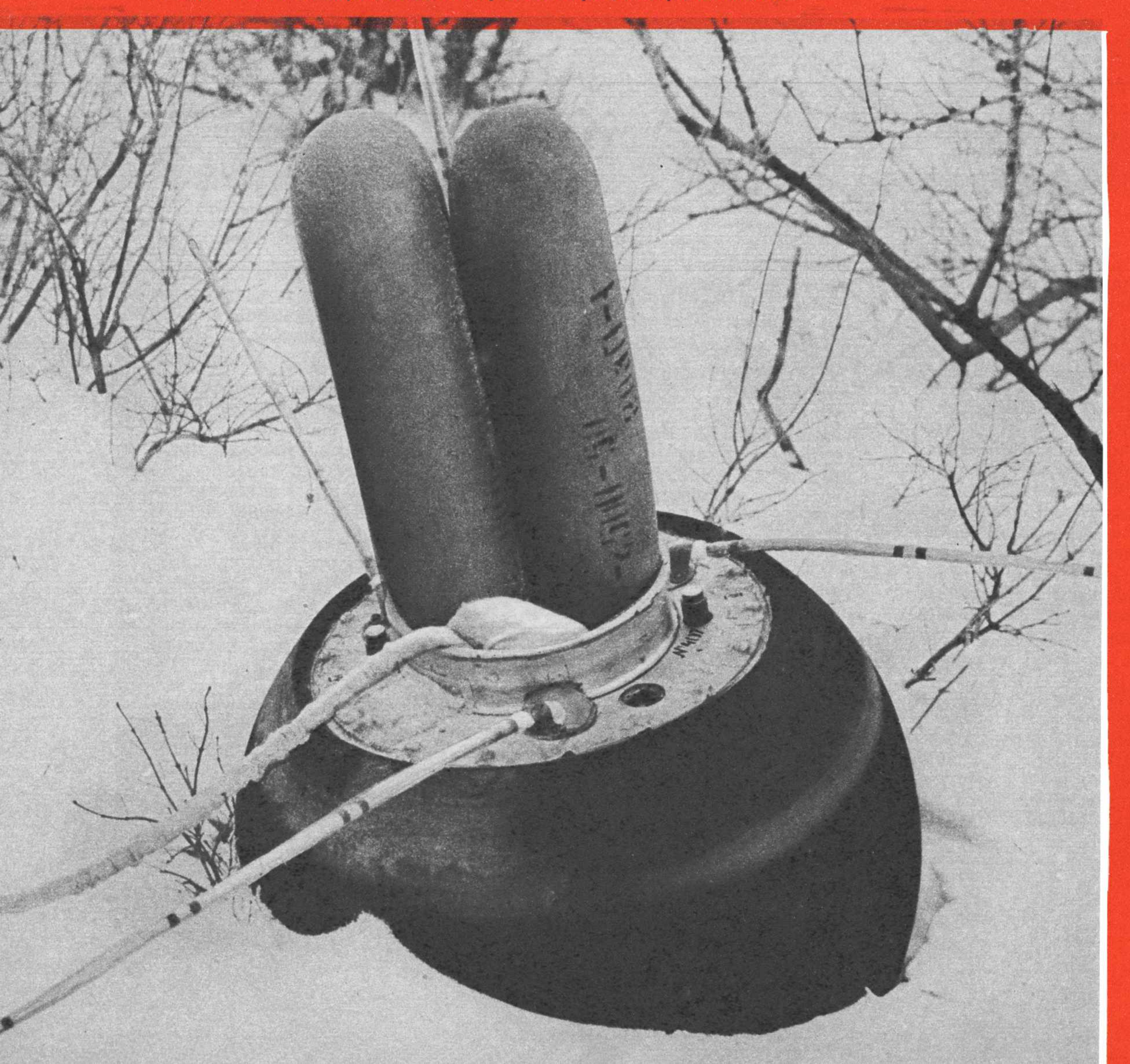
ЛУНА В

Государственный знак СССР и вымпел, установленные на автоматической межпланетной станции «Луна-20».

Возвращаемый аппарат станции «Луна-20» в районе приземления.

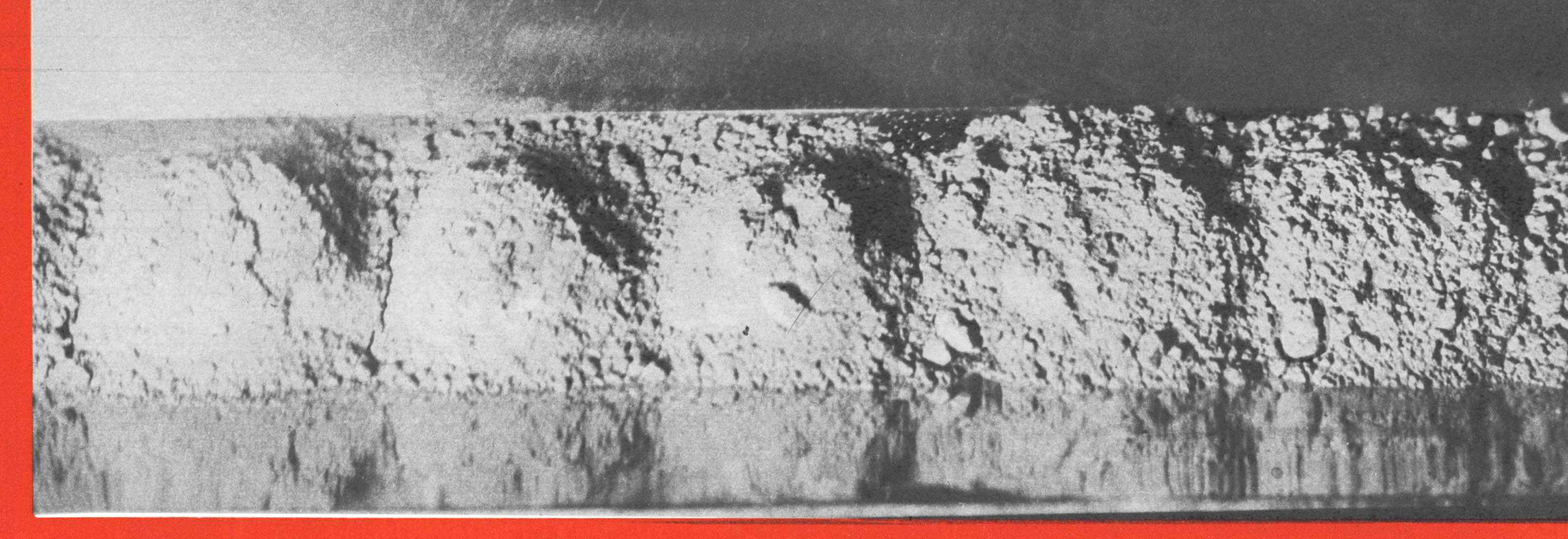

Внешне все было удивительно просто. Рабочие вырезали из тела возвращаемого аппарата, как кусок дерна из Земли, большой ломоть и вынули вместе с ним ампулу. Ее поместили в вакуумную камеру, где из полого ребристого бура, в теле которого лунный грунт был доставлен на Землю, «лунит» ровными дозированными бугорками высыпали на лоток.

Он лежал там и, пожалуй, сам по себе был маловыразителен. Что-то вроде цемента, только, может быть, чуть потемнее. К иллюминатору вакуумной камеры подходили конструкторы-разработчики, ученые. Надо было видеть их лица. Пожалуй, такими глазами не смотрят даже на самый редкий экспонат палаты алмазного фонда. Столько месяцев, лет неистового труда с его радостями и сомнениями, смелыми находками и неудачами. И, наконец, вот он, наш «лунит»...

Потом академик А. П. Виноградов весело отвечал на сыпавшиеся со всех сторон вопросы: «Очень ли непохож этот грунт на тот, что был доставлен «Луной-16» или американскими космонавтами! Почему электробур во время работы несколько раз автоматически выключался, не связано ли это с высокой твердостью грунта! Достаточно ли взятого количества породы для того, чтобы составить полноценное представление о природе и свойствах лунного вещества в исследуемом районе и вообще в материковых областях!»

Вопросы, вопросы. С ними пытливые взоры ученых обращены к Луне. Лишь одно перечисление их могло бы составить объемистую книгу. Но, пожалуй, все они так или иначе сводятся к главному вопросу — о происхождении Луны. Существует множество теорий о происхождении как лунных морей, так и материковых областей. Полтора года назад автоматическая станция «Луна-16» добыла грунт в море Изобилия. «Луна-20» совершила посадку примерно в 130 километрах к северу. Вроде бы

Вот он, лунный грунт!

ЛАДОНИ

Фотохроника ТАСС.

совсем рядом, но то был уже горно-материковый район, вещество которого никто из селенологов не осмелился бы положить на один поток с «морской» породой. Моря младше материков — этот факт уже не дискутируется, и сравнение вещества, полученного из столь близких, но тем не менее столь разных областей, имеет свою особую ценность. Оно в значительной степени поможет проникнуть в тайну процессов, которыми жила и развивалась Луна.

Вспоминается, как на следующий день после приземления станции «Луна-16» здесь же, в вакуумной камере приемной лаборатории, мы увидели почти такую же грядку рассыпчатого вещества. Мало это было или много! Достаточно сказать, что тридцать организаций различных стран мира получили от Академии наук наш «лунит». Каждая из них смогла провести самые всесторонние исследования. Эти эксперименты продолжались долгие месяцы. Однозначно был определен возраст породы — 3,5 миллиарда лет. Получили некоторые совершенно неожиданные результаты. Так, например, в грунте было обнаружено нержавеющее железо. Сейчас готовится к печати огромного объема том, в который будут сведены результаты исследований грунта, доставленного первым автоматическим лунным геологом. Пелена неизвестности, застилавшая лунные моря, во многом рассеялась. И вот финишировала «Луна-20». Какими теперь явятся селенологам лунные материки!

Глядя на ровную грядку лунного грунта, лежащего в продолговатом лотке, я вдруг отчетливо представил себе, что всего неделю назад она была незыблемой частью неземного тела, находящегося от нас за четыреста тысяч километров. И доставить сюда эти образцы, в которых заключены, может быть, многие тайны истории Луны, было очень непросто.

В космическом эксперименте, о котором здесь идет речь, участвуют два небесных тела — Луна и Земля. И по ходу эксперимента автоматической станции «Луна-20» пришлось дважды взлетать с небесных тел и дважды на них садиться. Если учесть, что эти операции были выполнены без участия человека, то невольно проникаешься уважением к незаурядным способностям лунного геолога.

Возьмем, к примеру, посадку на Луну. Наверное, все видели на фотографиях или в выставочном павильоне «Космос» станцию «Луна-16». Это сложное сооружение из баков, ферм, приборных контейнеров и конических сопел разнокалиберных двигателей должно очень аккуратно сесть на выбранную площадку Луны. Так, чтобы ракета с лунным грунтом стартовала точно в цель, к планете Земля.

Поэтому посадка автоматической станции проходила в два этапа. На первом, по уставкам, заложенным с Земли, началось торможение, и станция сошла с орбиты.

Второй этап, самый сложный, станция прошла самостоятельно.

Представьте себе горнолыжника, стремительно мчащегося по трассе, который, ловко маневрируя, обходит одни за другими контрольные ворота. «Луна-20» с момента второго включения двигателя напоминала, пожалуй, ловкого слаломиста.

Под ней проносилась гористая местность со свойственными ей возвышенностями, кратерами, впадинами и острыми пиками. Все это нужно было миновать с тем, чтобы успешно прийти к финишу — на небольшом ровном участке рядом с кратером Аполлоний. Поэтому автоматика станции управляла работой тормозного двигателя, точно привязываясь к рельефу лунной местности. Бортовой радиовысотомер непрерывно передавал данные измерений в программное устройство, которое, сравнивая их с расчетными величинами, тут же подавало команду на изменение режима работы двигателя. Плавно огибая неожиданные складки лунного рельефа, станция полностью погасила продольную скорость и на двигателях малой тяги мягко опустилась на поверхность.

После многомесячной экспедиции в море Дождей самоходного аппарата «Луноход-1» трудно кого-нибудь удивить чудесами дистанционного управления даже на расстоянии почти в полмиллиона километров. Так и станция «Луна-20», оснащенная зорким «телеглазом» и ловкой стальной рукой, опустила буровой механизм на поверхность, взяла из скважины пробу грунта и наглухо запечатала ее в ампуле возвращаемого аппарата.

Успешное завершение геологической экспедиции лунного автомата было почти полностью обеспечено при старте с Луны — стартом в строго расчетное время и точным исполнением ракетой разгонного импульса. Чем ближе подлетала станция к нашей планете, тем больше становилась ее скорость. Атмосфера, так преображающая Землю при взгляде на нее из дальнего космоса, грозила обернуться для маленького шарика океаном огня и каменной твердью. Но стальной корпус аппарата, покрытый теплозащитной обмазкой, уберег бесценный груз. Лунное путешествие автоматической станции закончилось в тех же казахстанских степях, откуда началось.

Я вспомнил возвращаемый аппарат, стоявший в кабинете начальника конструкторского бюро, в котором рождаются автоматические лунные станции. Это было незадолго до того, как за нашим первым лунным грунтом отправилась в путь «Луна-16». То был точно такой же шар, что и вскоре опустившийся на Землю с драгоценным грузом. Он прошел горнила заводских испытаний, бока его были опалены. После изъятия его место в кабинете занял сам подлинник. И вот сейчас я спросил начальника КБ:

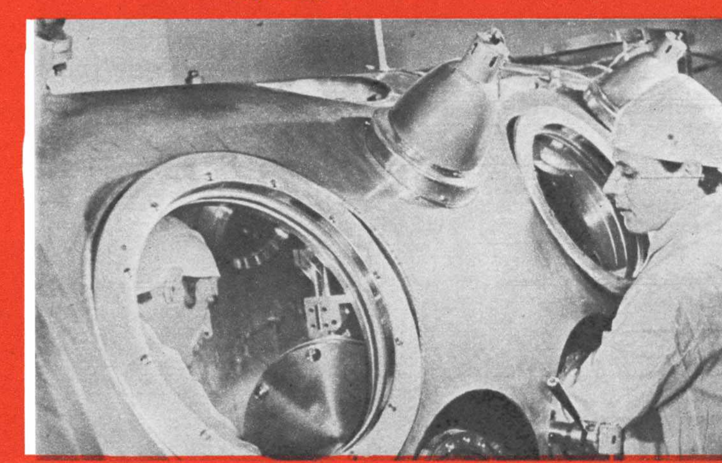
— Где же займет свое место нынешний аппарат!

— Надеюсь, там же,— улыбнулся он.

И я подумал: сколько еще, должно быть, раз там будут меняться эти удивительные экспонаты!

Вал. ЯМЩИКОВ,
научный сотрудник

Подготовка камеры для приема лунного грунта, доставленного автоматической станцией «Луна-20».

«Для улучшения экономического положения тюрчанок (азербайджанок.— Ред.), снявших чадру, и для ведения среди женщин национальных меньшинств культурно-бытовой работы «Азкомтружениц» открыл в восьми пунктах Азербайджана разного рода артели — швейные, чулочные, ковровые и другие...». Такое сообщение было опубликовано в газете «Бакинский рабочий» 7 ноября 1929 года. По просьбе редакции журнала «Огонек» корреспондент АзТАГ А. Гольденберг встретился с председателем Совпрофа республики З. И. Гусейновой и показал ей давнишний номер «Бакинского рабочего».

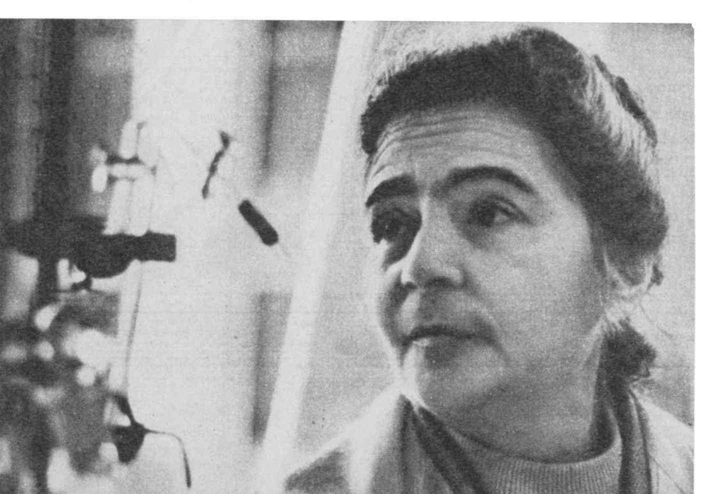
— Что вы можете сказать по поводу этой заметки, Зулейха Исмаиловна?

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

Председатель Совпрофа республики З. И. Гусейнова беседует с работницами комбината имени Н. Нариманова.

— Заметка эта теперь может вызвать лишь улыбку, хотя прошло не так уж много лет — четыре десятка. Для истории срок небольшой, а видите, как все переменилось. Впрочем, улыбнется этой заметке скорее всего юный читатель, а кто постарше, вероятно, не без грусти вспомнит о положении азербайджанок той поры. Я родилась уже при Советской власти, но девчонкой успела насмотреться на укутанные в черные покрывала женские фигуры, казавшиеся такими зловещими. Рождение девочки считалось несчастьем для семьи. Об этом хорошо сказал в поэме «Слово о колхознице Басти» народный поэт Азербайджана Самед Вургун:

Мать, плача, назвала тебя Басти,
Что значит: «баста», «хватит», «отпусти»!
«Зачем мне дочь? Зачем ей жить, расти?
О, почему аллах не дал мне сына?»
Обычай грустный был в стране моей —
Не праздновать рожденье дочерей.

Эти строки посвящены дважды Герою Социалистического Труда Басти Багировой. Она была седьмой дочерью в семье. Откуда было знать ее матери — неграмотной, забитой,— что Советская власть сделает Басти государственным человеком и что дочь ее возглавит крупное хлопководческое хозяйство, будет принимать законы в Верховном Совете СССР?

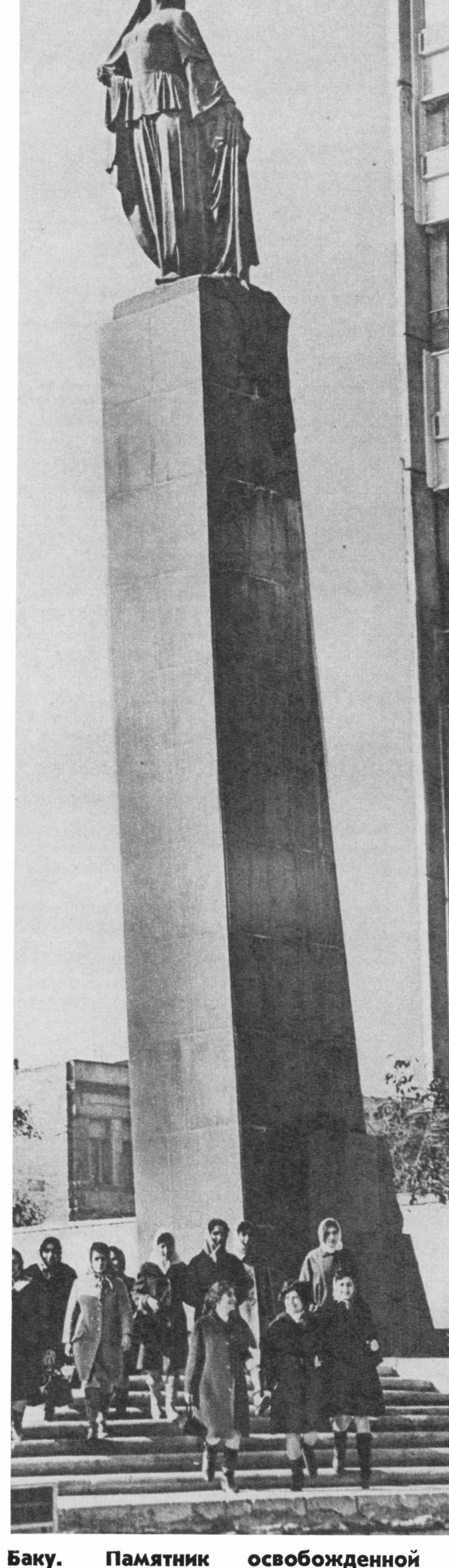
Много лет назад в Баку, на улице Джафара Джабарлы, был установлен памятник освобожденной азербайджанке, мимо которого нельзя пройти без волнения. На высоком, строгом пьедестале — женщина, сбрасывающая чадру. Она вся словно устремлена в будущее, и нет в мире силы, которая могла бы возвратить ее к прошлому. Скульптор Ф. Абдурахманов сумел сделать фигуру женщины удивительно символичной. Памятник этот воспринимаешь как своеобразный межевой столб между старым и новым Азербайджаном. И, может быть, не случайно установлен он именно на улице Джафара Джабарлы, нашего драматурга, создавшего незабываемые образы азербайджанских женщин в пьесах «Севиль», «Алмас»...

— Зулейха Исмаиловна, вы, наверное, помните первую исполнительницу роли Севиль в фильме, снятом Джафаром Джабарлы по его же сценарию?

— Конечно, помню. Кстати, «Огонек» в свое время рассказывал о ней. Двадцатилетняя Иззет Оруджева — первая женщина-азербайджанка, снявшаяся в кино. В то время решиться на такое было нелегко. Религия запрещала нашим женщинам даже посещать какие-либо публичные зрелища. Роль Севиль для Иззет Оруджевой оказалась во многом автобиографичной: она тоже не пожелала мириться с бесправием и нашла свое место в новом обществе. Фильм, снятый в двадцатых годах, имел огромный успех. Я помню, как многие женщины уходили из кинозала, бросив на скамейки темные покрывала. Но Иззет не стала звездой экрана. Дочь бакинского садовника с детства влекли тайны науки. Она окончила индустриальный институт, занялась проблемами химии и нефти, стала кандидатом, а потом и доктором химических наук. Многие из 170 научных трудов члена-корреспондента Академии наук Азербайджана, лауреата Государственной премии республики И. М. Оруджевой известны далеко за пределами Азербайджана.

— Но судьба Иззет Оруджевой не является чем-то исключительным. Я знаком с вашей семьей. Вряд ли до революции ваш отец, рабочий-полиграфист, мог мечтать о том, что все три его дочери получат высшее образование, станут государственными деятелями, учеными, высококвалифицированными специалистами.

Профессор И. М. Оруджева.

Баку. Памятник освобожденной азербайджанке.

О НИХ

— Да, все это так, но читателям «Огонька» можно было бы рассказать и о более интересных судьбах. Скажем, о жизни Зулейхи Сеидмамедовой. Вот уже двадцать лет она занимает пост министра социального обеспечения в правительстве Азербайджанской ССР. Она управляет коллективом министерства не хуже, чем в годы Великой Отечественной войны боевыми самолетами.

Одна из первых азербайджанских летчиц, Сеидмамедова была заместителем командира женского авиационного полка, штурманом эскадрильи истребителей, защищавших небо Москвы. На полетной карте ее штурманский карандаш прочертил маршрут от берегов Волги до Вены. Более 500 боевых вылетов совершила она. За отличное выполнение ответственных заданий командования она отмечена правительственными наградами. Потом, уже в мирное время, к ним прибавились ордена Ленина и Трудового Красного Знамени.

Судьба Зулейхи Сеидмамедовой характерна для тысяч женщин в советских национальных республиках, сбросивших многовековой гнет предрассудков, невежества, бесправия и ставших истинными хозяйками жизни своей страны. Помните песню: «Чистым золотом горит звезда твоя, о тебе и эта песня, Сурейя». Едва ли найдется у нас в Азербайджане человек, не напевавший или по крайней мере не слышавший этой песни о Сурейе Керимовой. Согласитесь, не каждый день встречаются люди, о которых поют при жизни. А вот судьба звеньевой из колхоза имени Тельмана, Агдамского района, вдохновила композитора С. Рустамова и поэта З. Джабарзаде. Когда они создавали песню, у Сурейи была только одна звезда — Героя Социалистического Труда. Потом рядом с ней засверкала звездочка «Матери-героини».

Дети не помеха в труде. В колхозе, где работает Сурейя, из пяти Героев Социалистического Труда две женщины.

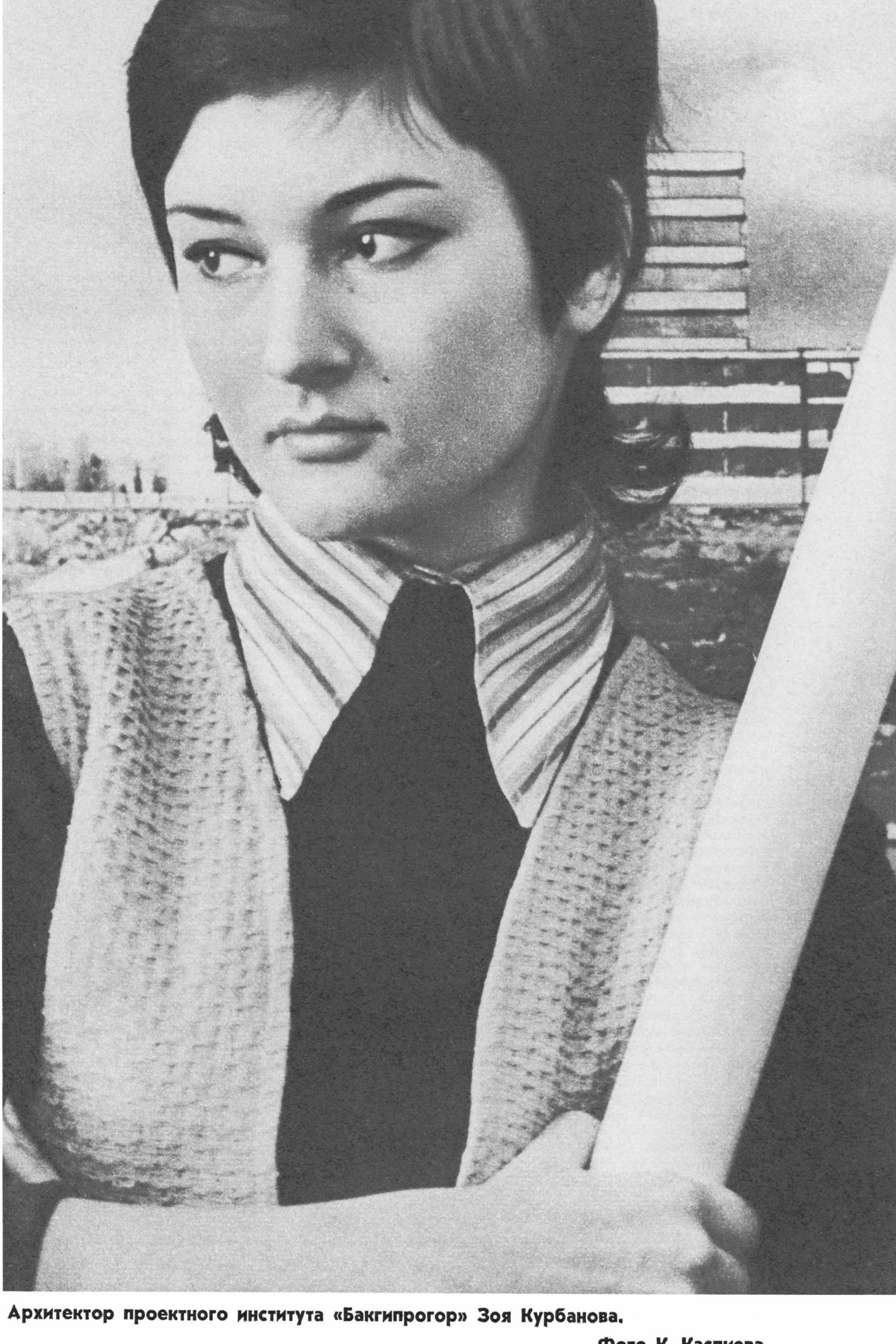
В нашей республике из двухсот колхозных орденоносцев и медалистов половина — женщины. И никого из них судьба не обидела детьми. Восемь — матери-героини.

У Замины Гасановой, старшей оцинковщицы Сумгаитского трубопрокатного завода, Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета Азербайджанской ССР, семеро детей. Пятеро из них — приемные, и всех Замина воспитала, вывела в люди. Старшую приемную дочь она недавно выдала замуж. Чуть ли не весь Сумгаит гулял тогда на свадьбе.

Рассказывать о наших женщинах можно очень много. Таира Таирова — министр иностранных дел республики, Гюлли Абилова — секретарь Президиума Верховного Совета Азербайджана, Сакина Алиева — Председатель Президиума Верховного Совета Нахичеванской АССР. Вот несколько цифр: женщины составляют 37 процентов депутатов Верховного Совета республики, а в Верховном Совете Нахичеванской АССР и местных Советах депутатов трудящихся их — 46,5 процента.

В краю, где до революции 98 процентов женщин не знали грамоты, они составляют теперь около половины всех учителей, 65 процентов врачей, около трети научных работников. Свыше трех тысяч женщин занимают руководящие должности в различных отраслях экономики и культуры.

И все наши успехи,— заканчивает свой рассказ З. И. Гусейнова,— в том числе и раскрепощение женщины, были бы немыслимы без большой помощи братских народов нашей многонациональной Родины.

Архитектор проектного института «Бакгипрогор» Зоя Курбанова.

Фото К. Каспиева.

СЛАГАЮТ ПЕСНИ

НОВЫЙ КОМПЛЕКС ГТО В ДЕЙСТВИИ

Первого марта вступил в силу новый всесоюзный физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне СССР». Это новый важный этап в развитии физкультурного движения в нашей стране.

С первых лет Советского государства идея оздоровления трудящихся, всестороннего, в том числе и физического воспитания молодежи, получила воплощение в строительстве нового общества. Уже в 1930 году по инициативе комсомола у нас в стране начал разрабатываться всесоюзный физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне СССР». Этот комплекс в 1939 году был утвержден Советом Народных Комиссаров, а в последующие годы четыре раза в него вносились изменения в связи с тем, что на каждом новом этапе развития социалистического общества от советских людей требовалась еще более высокая физическая готовность.

Теперь перед нами новый комплекс, разработанный Комитетом по физкультуре и спорту при Совете Министров совместно с ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Прежде чем он был утвержден, комплекс широко обсуждался и получил всеобщее одобрение. Введение нового комплекса ГТО — одно из важнейших средств претворения в жизнь решений XXIV съезда КПСС по дальнейшему развитию физкультуры и спорта в стране.

Новый комплекс ГТО является программной и нормативной основой советской системы физического воспитания и призван сыграть важную роль в подготовке всесторонне развитых и физически совершенных людей, активных строителей коммунистического общества, стойких защитников Родины.

Новый комплекс рассчитан на все основные возрастные группы советских граждан и состоит из пяти ступеней.

Первая встреча с комплексом ГТО теперь будет происходить уже в младшем школьном возрасте, когда только формируются основные физические способности человека. Эта первая ступень называется «Смелые и ловкие» и делится на две возрастные группы — от 10 до 13 лет. Вторая ступень — «Спортивная смена» рассчитана для 14—15-летних. Третья ступень комплекса ГТО носит название «Сила и мужество» и предназначена для юношей и девушек 16—18 лет. Большое значение для физического развития советского народа имеет четвертая ступень — «Физическое совершенство», предназначенная для двух возрастных групп: для мужчин 19—39 лет и для женщин в возрасте 19—34 года. И, наконец, пятая, последняя ступень — «Бодрость и здоровье», разработанная для мужчин в возрасте 40—60 лет и для женщин 35—55 лет.

Каждая из этих ступеней имеет свои задачи, свои нормы. Но в каждой ступени комплекса нашли отражение требования гражданской обороны и введены новые элементы теоретической подготовки. Особенно это заметно в третьей ступени, которая связана с программой начальной военной подготовки и овладением военно-техническими специальностями.

Каждая ступень комплекса ГТО состоит из двух разделов, в которых предусматривается изучение основных положений советской системы физического воспитания, овладение практическими навыками личной и общественной гигиены, правилами и приемами защиты от оружия массового поражения, выполнение утренней гигиенической гимнастики, и, наконец, сдача норм, включающих упражнения, определяющие уровень развития физических качеств человека (сила, выносливость, быстрота, ловкость), а также упражнения, способствующие овладению прикладными двигательными навыками (бег на скорость и на выносливость, силовые упражнения, прыжки в высоту и длину, метания, лыжные гонки, плавание и другие).

Требования и нормы первой, второй и третьей ступеней комплекса ГТО выполняются по степени трудности на серебряный и золотой значки. Требования и нормы четвертой ступени выполняются на серебряный, золотой и золотой с отличием значки. Сдача требований норм пятой ступени отмечается золотым значком.

Новый комплекс ГТО предусматривает сдачу норм по результатам, показанным в соревнованиях по отдельным видам спорта или по многоборьям. Лишь в отдельных случаях допускается сдача норм на контрольных уроках физкультуры в общеобразовательных школах, профессионально-технических и других учебных заведениях.

Комплекс ГТО всегда имел большое значение в подготовке высококлассных спортсменов и в поисках спортивных талантов. Теперь в этом смысле его роль значительно возрастет.

Введение нового комплекса ГТО отвечает интересам всего народа и придает физкультурному движению в нашей стране еще больший размах.

И. ОСИПОВ, кандидат педагогических наук, заведующий лабораторией Всесоюзного научно-исследовательского института физической культуры

МАМЕ

(В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ)

Ты не думай,
что 42 — это старость.
Мама моя!
А сколько тебе досталось!
Мне бы этого счастья
хоть самую малость.
Его бы хватило
На долгие годы.
А ты говорила,
Что годы уходят.
Ты не думай,
что 42 — это старость.
Мама моя!
А сколько тебе осталось?

Разве счастье мое
не будет твоим?
Счастья хватит —
увидишь сама —
на двоих.
Моя радость — она и твоя
радость.
Видишь,
сколько тебе осталось!
Ты не думай,
что 42 — это старость!

Наташа **ГОЛУБОВСКАЯ**, ученица 10-го класса школы № 194 Москвы

ПРАВДА ВРЕМЕНИ

Солнце идет с востока. Старейший писатель Туркмении, замечательный поэт и прозаик Берды Кербабаев назвал сборник своих повестей «Солнце с севера». Оттуда, с берегов Невы, от древнего Московского Кремля, пришло на многострадальную землю Средней Азии могучее солнце Революции, прорезали тьму животворные лучи бессмертных ленинских идей, и пробудились к жизни сердца рядовых людей, пóтом и кровью добывавших пропитание, людей, находившихся под вековым гнетом жестокой власти ханов, баев, мулл и их разного рода прислужников.

В сборнике, о котором идет речь, подобраны маленькие повести, рассказывающие и о первых годах установления власти Советов в Туркмении и о днях нынешних. Мы как бы имеем возможность, знакомясь с людьми самых разных профессий, возраста, склада характера, проследить величественный, поражающий воображение путь от феодального уклада к утвердившимся нормам социалистического общества.

«Над всеми свищет байская плетка... Аллах, где твоя справедливость? Почему одного бая наградил богатством, а тысячи тружеников оставил в нищете? Нас много, мы — как поток воды в канале, а баев — горстка. Почему же они нами правят? Или уж всем нам на роду написано — подчиняться, исполнять чужие повеления, всю жизнь терпеть нужду, голод, побои? Собачья жизнь...»

Эти строки из повести, открывающей сборник, «Солнце с севера». Такая доля выпала с детства и герою другой повести — «Сын Карли Чакана». Много он перенес испытаний и перестрадал. А чего же он достиг? Достиг он такого, что и не во всякой сказке случается. Дело в том, что это произведение основано на некоторых эпизодах жизни не выдуманного писателем человека. Человек этот ныне известен многим миллионам людей. В авторском послесловии сказано: «Остается добавить, что Алты Карли, или, как он значится во всех энциклопедиях, Карлиев,— это реальное лицо, наш с вами современник, народный артист СССР, дважды лауреат Государственной премии...»

Следом за художественно-биографическим исследованием большой жизни крупного современного мастера театра и кинематографа Алты Карлиева идет повесть «Прорванная дамба», целиком посвященная изображению дней нынешних.

Здесь есть и достаточно острый конфликт, и лирическая одушевленность, и юмор — иногда мягкий, улыбчивый, иногда весьма колкий, где-то переходящий в сатирическое заострение.

Столкновение председателя райисполкома Мяти Рахманова и директора совхоза Чолука Мердана, людей, много лет знающих друг друга,— это не стычка самолюбий. Их разделяют не мелкие недоразумения. Речь идет о понимании своего долга, об умении быть на уровне задач времени, быть современным человеком всегда и во всем, жить не на проценты от прошлых заслуг.

Да, жизнь решительно изменилась. Неизмеримо выросли духовные запросы людей, выросло их сознание. Но значит ли это, что с пережитками прошлого покончено раз и навсегда, что они не дают себя знать?

Оказалось, что рецидивы болезни проявляются у Рахманова, когда-то человека бесстрашного, сражавшегося с басмачами, в числе первых создававшего колхозы, ломая яростное сопротивление баев. И вот пожалуйста... С болью читаешь строки: «Коммунист. Советский интеллигент. Работник новой формации, к тому же ответственный работник. Он призван служить примером для всего района. А он сам — жертва диких предрассудков. Подумать только, сын, уже взрослый, получивший специальность, лишен права выбора, лишен права строить свою жизнь по собственному разумению и желанию!..»

И все-таки правда советской действительности торжествует. И борьба в повести идет не только против Рахманова, но и за него, за то лучшее, что есть в его душе. И можно поверить, что урок, полученный Рахмановым, прежде всего от старого друга Чолука, не пройдет для него даром.

Сборник завершает рассказ «Обоюдное сватовство», написанный автором еще в 1935 году. Он полон и драматизма и лирики. Действие его происходит за двадцать лет до создания вещи. И, прочитав эту горестную историю, мы еще раз с острейшей наглядностью поймем героический и величественный путь, пройденный туркменским народом под победоносными знаменами Революции.

Н. ГРОМОВ

Берды Кербабаев. Солнце с севера. Издательство «Советский писатель», 1971.

Г. Богданов (Иркутск). ПРАКТИКАНТКА.

Выставка произведений художников Урала, Сибири и Дальнего Востока

Ю. Волков (Владивосток). ДЕВЧАТА С ШИКОТАНА.

Выставка произведений художников Урала, Сибири и Дальнего Востока

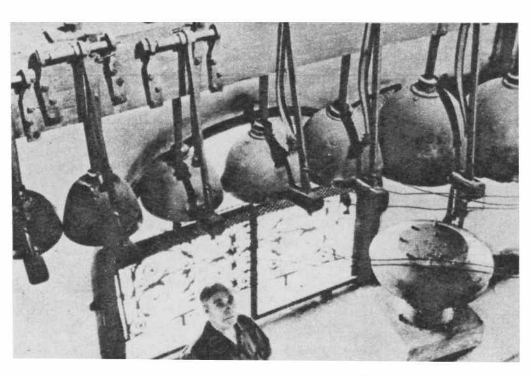
ПОЛУЧИТЕ КЛЮЧ ОТ НОМЕРА

АШХАБАД

Хорошеет и благоустраивается Ашхабад. Вот еще одно здание украшает центр столицы Туркмении — вступила в строй гостиница «Ашхабад». Ее удобные, уютные номера доставляют немало радости гостям города и туристам. К их услугам ресторан, кафетерий, мастерские бытового обслуживания.

Фото Г. Надеждина (ТАСС).

ГАММА КИЕВСКИХ КУРАНТОВ

КИЕВ

Раз в неделю Иван Яковлевич Левченко отсчитывает триста семнадцать ступеней, поднимаясь на колокольню Киево-Печерской лавры. Здесь, в поднебесье, над ним только десятиметровый купол и медные колокола. С помощью ручной лебедки поднимает Иван Яковлевич три гири курантов. Каждая — четверть тонны весом.

Впервые на эту старинную девяностошестиметровую башню он поднялся в 1944 году. Поднялся по тросам, потому что лестница выше второго этажа была сожжена. Вместо многотонного механизма курантов перед ним лежала груда металлолома. На три года Левченко стал слесарем, математиком, инженером, музыкантом. Восстановив механизм, он его усовершенствовал, сделал новый, собственной конструкции маятник с более плавным ходом. В 1948 году киевляне впервые после войны услышали медные голоса печерских курантов. С тех пор вот уже почти четверть века Иван Яковлевич Левченко, старый рабочий-арсеналец, их бессменный смотритель.

С. КАЛИНИЧЕВ

Фото Ю. Пижурина.

ДОМ ДЛЯ ТЕБЯ

Начало см. на 2-й стр. обложки.

А Клюеву в те дни было не до того. Он подымал людей на штурм высоты, которую газета «Советская Татария» назовет потом орлиной. Бригадир нацеливал все силы на самого Геворгяна. Вон на кого замахнулся! Недаром на будке клюевцев появился лозунг: «Наш девиз: две нормы в смену! Вызываем на соревнование бригаду Геворгяна!» Кто такой Геворгян? Пятьдесят тысяч строителей КАМАЗа очень хорошо знают Геворга Аршаковича Геворгяна, родившегося под Ереваном. В Челнах он с пятьдесят восьмого года. За тринадцать лет его бригада построила 6 школ, 19 жилых домов, 4 детских комбината, 2 магазина, участвовала в сооружении здания горкома партии, Дворца культуры, больничного городка. Фамилия Геворгяна редкий день не встретится в местных газетах, на торжественных вечерах.

Ну, а почему молодой бригадир Александр Клюев рискнул избрать себе такого грозного соперника, как Геворг Геворгян, тоже станет понятно, если обратиться к некоторым эпизодам из жизни самого Клюева. Как только Александр приехал из Южно-Уральска в Набережные Челны, сразу попал в бригаду Геворгяна и позаимствовал у него многое. Особенно в умении организовывать людей и руководить ими. Не прошло и восьми месяцев, Клюев сам стал бригадиром. Случилось это при довольно неожиданных обстоятельствах. К Геворгяну привели выпускников учебного комбината. Но в бригаде, как говорится, был уже полный комплект. Постучались ребята в другую бригаду, там тоже встретили холодно.

И тогда Александр, пошептавшись с Георгием — так зовут Геворгяна в бригаде,— пошел в отдел кадров: «Давайте я попробую с ними поработать. Временно. Если ничего не получится, не взыщите». В отделе кадров рискнули и дали Клюеву объект — школу. Из-под снега чуть-чуть выступал контур фундамента.

Расставил Клюев ребят по местам и строго-настрого приказал: «Не спешить. Делать все аккуратно. Не дай бог, чтоб после нас потекли стены, как в общежитии восьмого комплекса. Не были там? Сходите посмотрите: позор, а не работа! Главное для нас пока не темпы, а качество». Не сомневался бригадир, что и темпы со временем придут...

Пришли и темпы и качество! Постройком присудил новоявленной бригаде премию за первый квартал. Новички воспрянули духом.

А осенью на теплоходе приплыл по Каме Всесоюзный строительный комсомольский отряд «Дружба». Бригада Клюева пополнилась строителями из Белоруссии, Кабардино-Балкарии, Казахстана, Удмуртии. Теперь в бригаде можно было всесоюзное совещание по обмену опытом устраивать, представители нескольких республик налицо. Бригадир неторопливо присматривался к солидному пополнению, а пополнение присматривалось к бригаде, к стриженному ежиком энергичному Клюеву и с уважением читало надпись на широкой ленте, что алела в каптерке над окном: «Победителю конкурса молодых каменщиков!» Победителем-то был, оказывается, сам бригадир: за 1 час 9 минут Клюев выложил кубический метр кирпича! Рекорд! Этим рекордом он как бы отчитывался перед отцом, который тоже был строителем, отчитывался и перед Миркамиловым, первым своим наставником, перед старым мастером Яковлевым, который еще в войну домны на Магнитке ставил. Латиф Пшихачев пожалел, что не присутствовал на конкурсе, не видел, как работает бригадир. Интересно, какую он кладку предпочитает?..

Впрочем, скоро это все выяснилось: бригада работала по липецкому методу. Кабардинцам этот метод был незнаком. У них в Нальчике кладку вели под штукатурку, не очень заботясь о красоте и стройности наружного ряда и линии швов. А тут, в Набережных Челнах, прежде всего надо было выравнивать внешний ряд. Кирпичик к кирпичику. Столбиками. По ниточке. Пришлось переучиваться. Поэтому ребята из Кабардино-Балкарии не решились сразу работать по наружному контуру, а стали на перегородки. Застенчивые девчата из Ижевска Надя Щина и Роза Широбокова пошли на подсобную работу. Латиф с грустью посмотрел на них: неужели не имеют квалификации? А Урузби и вовсе заскучал: вроде все из «Дружбы» при деле, нет лишь Зои. Вчера от нее отчаянное письмо получил — все еще бродят ее документы между Грозным и Нальчиком. Приказа о переводе нет... Латиф успокаивал Урузби:

«Потерпи, все будет в порядке».

Начальство все жало и жало на строителей: 220 тысяч квадратных метров жилья нужно было сдать в семьдесят первом году. Вот тогда перед бригадами Геворгяна и Клюева, работавшими на восьмом комплексе, и была поставлена задача: сдать два дома к новому, 1972 году.

Задумался Саша, стал подсчитывать. Чтоб решить такую задачу, дом надо поставить практически за месяц. А второй месяц, декабрь, предоставить отделочникам.

— За один месяц? — переспросил кто-то неуверенно.

Бригада молчала, сосредоточенно дымила сигаретами. Такого еще не было, чтобы за месяц построить дом на полтысячи человек.

Зоя Беркутова и Урузби Карашаев.

Александр Клюев (второй слева) и его бригада.

— А если это очень надо? — точно размышляя вслух, проговорил Латиф.— Люди едут и едут. В семьдесят втором году, слыхали, сколько стройка должна принять? Тысяч двадцать. На автозаводе нужно будет начать монтаж оборудования. Значит, надо постараться.

Клюев посмотрел на Пшихачева. Коммунист Пшихачев, построивший десятки многоэтажных домов в Нальчике, строивший спортивный комплекс в Приэльбрусье — Терсколе, знает, что такое «надо».

Первые дома автограда и первые новоселы.

В числе других гостей Латиф был в Комсомольске-на-Амуре, рядом с Гагариным сидел, когда городу юности вручали орден Ленина. Привез он тогда дальневосточникам пятьдесят серебристых елочек с кавказской землей и кусочек звездного металла — молибдена. Латиф видел города Солнечногорск и Амурск, воздвигнутые в тайге комсомольцами шестидесятых годов. А этот город и завод в Набережных Челнах — дело рук комсомольцев семидесятых. Дело их чести!

— Так, значит, будем работать круглосуточно, в три смены,— как бы подвел черту Клюев.

Он разбил бригаду на звенья: первое звено групкомсоргу Мише Савельеву, второе — Жене Федотову, третье — Пшихачеву, четвертое — Зайцеву, пятое — Гусярову. Каждый день бригадир вставал в 5.30 утра, чтобы ровно в шесть быть на растворном узле, а в 6.30 — на объекте. Никто не знал, когда кончается его рабочий день.

На третьи сутки краснощекая девушка из Ижевска, та самая Надя Щина, что стояла на подсобной работе, пошла на кладку. Заправски выложила один ряд, другой. Латиф залюбовался ею: не уступит ни одному парню! А Клюев не нашелся сразу, что и сказать. До сих пор он не сталкивался с каменщицами. Дело это вроде бы не женское, так считал он. А эта... Нет, он не мог предъявить никаких претензий Наде Щине:

— У вас, наверное, требовательный был бригадир?

— Конечно, требовательный,— спокойно отвечала Надя.— Наша бригада была лучшей в Ижевском тресте.

Следом за Надей осмелилась и взяла в руки кельму и ее подружка удмуртка Роза Широбокова. Темп работы нарастал с каждым днем, увлекал всех. А работать было тяжело, шли дожди. Застревали в грязи тракторы «ДТ». Клюев выхлопотал тогда более мощный для своего дома — «С-100». И Валя Тиравская, боевой стропаль из Минска, едва успевала нагружать кирпичом поддоны. По

девять машин раствора принимала в смену.

...Вот в какое неподходящее время Урузби Карашаев стал просить бригадира помочь Зое, невесте своей. Клюева не надо было уговаривать. Он не только строгий, но и внимательный к людям. После пересмены сразу пошли они в комитет комсомола стройки, к начальнику штаба Амиру Гатаулову. Там многие вопросы решаются. И этот, с пропиской Зои, тоже был решен. Положительно, конечно.

Так появился в бригаде еще один стропаль — худенькая белокурая Зоя.

А свадьба была! Раз есть женихи и невесты — а в Челнах их полным-полно,— то будут и свадьбы. Только у строителей для свадеб особый график, не подчиняющийся временам года. Не то что на селе у хлеборобов: сняли урожай — и свадьбы справляют. Тут другие законы: подписан акт о приемке здания, тогда и веселью час.

Час этот пробил для бригады Клюева через месяц, когда вся она в полном составе закончила кладку последнего, пятого этажа. Тут же, прямо на крыше, начальник участка зачитал приказ по управлению. Бригаде Александра Клюева в целом и каждому ее члену в отдельности объявлялась благодарность. А тут еще и премиальные. И вышло, что рабочий даже с самым низким разрядом заработал в общей сложности в штурмовом ноябре до трехсот рублей.

Ну, а как обстояли дела у соседей? Соседи что-то подзадержались. Георгий Геворгян поздравил Сашу Клюева, но ходил молчаливый. Итоги соревнования показали, что по всем пунктам бригада Клюева, совершив неслыханное — поставила пятиэтажный дом всего за месяц,— вырвалась далеко вперед. Теперь она шла второй после бригады Вазыха Мавликова. Успех, о котором клюевцы мечтали! Однако мало победу завоевать, ее надо закрепить. На какую вершину поведет свой коллектив Саша Клюев? Ответ и на этот вопрос готов: Мавликов, член ревизионной комиссии ЦК ВЛКСМ, его подсказал. Девятую пятилетку выполнить досрочно!

Уходящий в короткую историю второй год строительства автогиганта на Волге богат был новосельями. Двадцать пять тысяч прибывших на стройку поселились в общежитиях, сотни семей — в квартирах. В декабре в новое общежитие переезжал со всеми своими гитарами, транзисторами и проигрывателями разноязычный отряд «Дружба». Зоя и Урузби получили отдельную комнату. И настало тогда время свадьбы.

Тамадой единогласно избрали, как самого старшего, тридцатилетнего Латифа Пшихачева. Исполненный торжественности, Латиф произносил по-восточному длинные, как долгоиграющая пластинка, тосты. Кое-кто успевал за это время незаметно осушить рюмку дважды.

Не за горами еще не одна свадьба в бригаде Клюева. А это хороший признак. Аисты гнездятся на высоких местах, семьи появляются в хороших городах, а Набережные Челны обязательно будут хорошим городом!

Петря ДАРИЕНКО

ПО ДАЛЕ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ПИСАТЕЛЯ

Наш самолет подлетал к берегам Новой Зеландии. Белые облака сверху кажутся чуть-чуть прихваченными огнем, какие-то оранжевые. Самолет приземлился в Окленде.

Встретили нас руководители профсоюза полиграфистов Новой Зеландии и оклендского отделения — Рег Уоли, Рей Кеннели и Уоли Клемен.

— У нас,— сказали они,— уже гостила одна делегация вашего профсоюза. До сих пор мы с ней переписываемся. Мы очень рады вашему приезду. Мы твердо стоим за укрепление дружбы и контактов.

Рядом с нами в кафе, за соседним столиком, сидело четверо молодых людей.

— Маори,— объяснили нам,— мы с ними дружим. У нас нет такой расовой вражды, как в Америке.

Люди, конечно, дружат между собой, невзирая на цвет кожи. Но все же хочется немного вспомнить историю.

В конце XVIII века в Новой Зеландии коренное население — маори — составляло 200—250 тысяч человек. Тогда остров только начинал заселяться белыми переселенцами. Маори героически сопротивлялись чужеземцам, но, как и аборигены в Австралии, были оттеснены английскими колонизаторами в бесплодные и совершенно непригодные для сельского хозяйства районы страны. Социальное неравенство сохраняется и в наши дни.

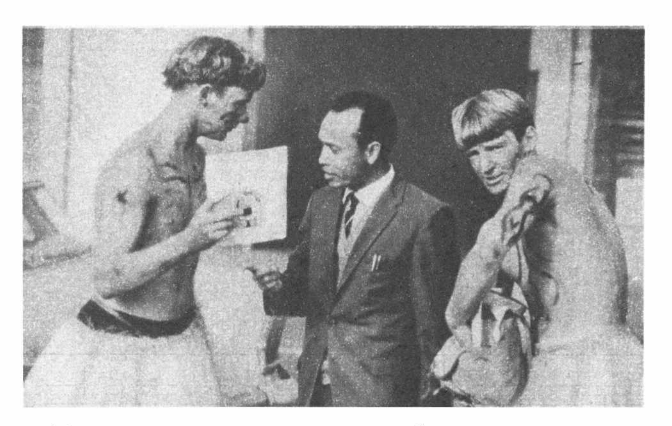
...Рано утром мы совершили прогулку. Окленд — большой город, вольготно раскинувшийся на берегу моря. Мы поднимались на самую высокую точку города — на каменную шапку давно погасшего вулкана. Вдруг пошел дождь. Побушевал несколько минут и сразу же перестал. И словно кто сдернул шторы — город вновь засверкал яркими и чистыми красками.

...Новозеландские знакомые проявляли очень большой интерес к нашей стране, к жизни советских людей. Во время бесед я не раз убеждался, что о Советском Союзе они многого не знали.

Перед отлетом в Веллингтон к нам в гостиницу зашел президент профсоюза полиграфистов Уоли Клемен, седой человек средних лет. Он спросил нас о социальном страховании. «Вам хорошо,— сказал он,— у вас социальное страхование в руках государства, а у нас в руках капиталистов. Мы добиваемся, чтоб оно перешло к государству. Мы изучаем ваш опыт».

По дороге остановились у памятника Р. Бернсу. Затем отправились в оранжерею. В одном громадном зале собраны все цветы Окленда — фантастическое зрелище! Казалось, вся земля раскрыла свои многокрасочные, причудливо переливающиеся сокровища. Никогда ничего подобного я не видел.

И вот мы снова в воздухе. Через час были в Веллингтоне. Нас радушно встречали руководители местных профсоюзов. Они рассказывали нам о том, что ценообразование в стране зависит целиком от предпринимателей. Оно совершенно бесконтрольно, что серьезно сказывается на материальном уровне

Маори уже давно носят обычные костюмы, а вот студенты, продающие газеты, желая привлечь к себе внимание, наряжаются в одежду коренных жителей Новой Зеландии.

На реке Сингапур.

В крупнейшем университете Цейлона, расположенном в окрестностях Канди, учится более пяти с половиной тысяч студентов.

КИМ ЗЕМЛЯМ

Фото Ю. Яснева и ТАСС.

жизни населения. Профсоюзы ведут борьбу по установлению государственного контроля за образованием цен. В экономику Новой Зеландии широко проникает иностранный капитал, в первую очередь американский, японский, западногерманский и др. Двадцать лет назад экономика страны целиком зависела от Англии. За последние два десятилетия капитал Великобритании в Новой Зеландии стал вытесняться американским.

— Мы боремся,— заявил нам один из руководителей новозеландских профсоюзов, Клокс,— за прекращение агрессии во Вьетнаме. Мы должны теснее сплотить профсоюзное движение в Азии, чтобы успешнее решать проблемы, которые стоят перед нами. Мы хотим торговать с СССР и со всеми другими выгодными для нас партнерами. Мы и вы — за мир, за улучшение жизни рабочих.

* * *

Из Веллингтона в Сингапур летим через Сидней и Дарвин. В Сингапуре нас встретил руководитель профсоюза учителей Лео, бывший глава профсоюза полиграфистов. Сразу же завязался интересный разговор.

— Многие недоброжелатели,— говорили нам новые знакомые,— предсказывали нашей стране гибель. Как может самостоятельно жить такая маленькая страна? Ничего, живем.

Сингапур. Откуда такое у него красивое название? Как объяснили нам друзья, оно происходит от двух заимствованных из санскрита слов: «синга» и «пура», что означает в переводе город льва. Как гласит предание, индийский принц, прибывший сюда в VII веке, первое встретившееся животное принял за льва. На эмблеме Республики Сингапур красуется лев. Некогда порт носил малайское название Тумасик, что в переводе означает Морской город. Сингапур, один из крупнейших портов мира, находится на перекрестке морских путей, которые связывают Азию, Африку, Европу и Америку. «Западные ворота на восток и восточные ворота на запад» — очень точное определение Сингапура.

В конце XIX века Сингапур превратился в крупнейший в мире центр по вывозу олова, сюда из разных стран доставлялся каучук для сортировки и отправки морским путем во все уголки земного шара. Богатый порт с жестокой судьбой. Англичане делали с ним, что хотели, а во время второй мировой войны он был захвачен японскими войсками. Падение Сингапура Черчилль расценил как «величайшее несчастье в истории британского оружия». Много бед принесли Сингапуру и японские захватчики. А затем вновь пришли английские колонизаторы. Население Сингапура активно боролось за независимость. Борьба была суровой. 9 августа 1965 года было объявлено о выделении Сингапура из Федерации Малайзии в самостоятельное независимое государство. В конце того же года Сингапур был провозглашен республикой.

Я не буду приводить данные и цифры об экономическом положении страны, о ее связях и перспективах, просто поделюсь своими личными впечатлениями, расскажу об увиденном и услышанном за те несколько дней, которые я там провел.

Нас принимал профсоюзный деятель Сил Мьюкок со своими товарищами по работе. Их организация поддерживает связи с профсоюзами почти всех стран мира.

— В чем ваша главная задача?— спросили мы.

Сил Мьюкок ответил:

— Вовлечение новых людей в члены профсоюза. Установление привилегий для членов профсоюзов. Подготовка профсоюзных кадров. Направление рабочего движения на борьбу за мир: все народы должны жить в дружбе.

— Какова программа профсоюзов в деле развития культуры и приобщения к ней широких масс рабочих?

— Страна наша,— ответил Сил Мьюкок,— получила независимость в 1965 году. Она совсем молода. Мы только сейчас пытаемся развивать нашу национальную культуру.

В большом зале политехнического института состоялась встреча профсоюзных деятелей Сингапура с нашей делегацией. Сингапурцы тепло говорили о нашей стране, о советских людях. Нас приветствовали руководители профсоюзов, просили с ними фотографироваться, знакомили с рабочими. Один из них почтовый служащий Пиллай. Он задавал много вопросов, искренне стараясь как можно больше узнать о нашей стране и о ее делах, узнать из уст советских людей, приехавших «из самой Москвы». Происходит это потому, что наш народ стал таким, о котором уже нельзя не знать. Не знать о нашей стране — значит жить где-то далеко в прошлом.

— Приезжайте к нам,— посоветовал я ему,— все увидите своими глазами.

— Я накоплю денег и, как только представится возможность, обязательно поеду в Советский Союз,— ответил Пиллай.

* * *

Хотелось подольше побывать на этом красивом острове, вглядеться повнимательней в его жизнь. Кто не мечтал и сейчас не мечтает побывать на этом далеком острове! Я встретился с Цейлоном, услышал его голос, увидел, как он трудится. Встреча была, как я уже сказал, короткой, но в памяти моей страна эта останется навсегда. И вспоминать о ней буду часто. Она интересна, сложна и красива.

Вот как пишет о своей родине поэт Ашмор Пирис в стихотворении «Манговое дерево»:

Стоит оно рядом с холмистой грядой,
Давая птицам приют,
И ветви, храня величавый покой,
Под самым небом цветут.
Качаются плавно его плоды
Под музыку ветерка,
И утренний луч, соскользнув с гряды,
Их золотит слегка.

Прекрасно оно во мгле вечеров,
Прекрасно в сиянии дня,
Но сладость душистых его плодов —
Не для меня!

В Коломбо нас встречал руководитель профсоюза журналистов Цейлона Гунатилеке. С ним были его друзья. Гунатилеке одновременно является руководителем Лиги молодежи.

Красива природа Цейлона. Гигантские пальмы будто подпирают горячее небо. А внизу люди обрабатывают рисовые плантации. Поэт Ашмор Пирис в своем стихотворении «В пути» писал:

Вблизи от деревни на поле своем
Крестьянин устало бредет за сохою.
Голодные буйволы тащат с трудом
Соху первобытную, чтобы потом
Хозяин их мог прокормиться с семьей.

Лачуга его и скромна и бедна.
Из глины построил себе он жилище.
Там дети растут и стареет жена.
В окно вся нехитрая утварь видна,
И видно, как варится скудная пища.

Я верю в мужество трудовых людей Цейлона. Во время поездки из Коломбо в Курунегала мы часто беседовали с цейлонцами. Узнав, что мы из СССР, они с чувством признательности говорили о том, что многие их земляки учатся в высших учебных заведениях Советского Союза. Они рассказывали нам о той большой практической помощи, которую оказывает Цейлону Советский Союз: строительство шинного завода, металлургического и других предприятий. Цейлонцы стремятся к дружбе с советскими людьми, к сотрудничеству, упрочению всяческих контактов. Сердца цейлонцев устремлены к Москве. Молодая цейлонская поэтесса Према Суравира Рупасингхе после посещения Советского Союза написала волнующее стихотворение о Москве:

Я вижу, как поток людей струится
По Красной — главной — площади столицы,
Чтобы вождю и другу поклониться,
И, словно розы, трепетны их лица.

Заманчивы боярские палаты,
Но я смотрю на мрамор Мавзолея,
Москва своей сплоченностью богата
И верой. Нет оружия сильнее.

Цейлонскую поэтессу все в Москве волнует: и «Детский мир», и проспект Калинина, и парк имени Горького — абсолютно все. И особенно советские люди.

Я в первый день увидела немного,
Не довелось в метро мне опуститься,
Но радостной была моя дорога,
Везде улыбками светились лица.

Страна моя! Моя родная Ланка!
Улыбки эти добрыми лучами
Текут к тебе. Земли твоей посланка,
Я встретилась с Москвой и москвичами.

Пусть моя встреча с Цейлоном была короткой, эта страна останется в моем сердце как страна поэзии, красоты, солнца и труда, как страна с большим будущим.

Валентина САAКОВА

НЕБО ЗОВЕТ

ИЩУ ПЕСНЮ

Однополчанам.

Лечу меж звезд,
Качу в вагоне тесном,
В полях слова заветные ищу,
Ищу давно
Свою простую песню,
Которую друзьям я посвящу.
Чтоб в лад словам
Сердца у вас стучали,
Чтоб ей от вас не отставать в пути,
Но мне без вас, мои однополчане,
Хороших слов для песни не найти!
Как лебеди, в отлет уходят весны,
Но сердцем я не ухожу в запас,
Покуда не найду такую песню,
Чтоб ей остаться
В памяти у вас.

ТРУДНОЕ ДЕЛО

Моим друзьям — испытателям самолетов.

Это трудное дело —
Учить самолеты летать:
Испытать самолет —
Это значит себя испытать
Самой строгою мерой
На разрыв,
На излом,
Сердце сжать в кулаке,
Завязать свои нервы узлом,
Позабыв о семье,
До рассвета не спать,
В сотый раз
Все расчеты проверить опять.
Испытателю в небо
Проложить первый путь —
Это словно в атаку
Самым первым шагнуть
И, себя не жалея,
Честно выиграть бой
Ради тех,
Кто пойдет в высоту
За тобой.
Это трудное дело —
Учить самолеты летать,
И умеют вас жены
Чутким сердцем понять,
И для них
Испытать самолет —
Это значит себя испытать
Самой строгою мерой
На разрыв,
На излом,
Сердце сжать в кулаке,
Завязать свои нервы узлом...
Хоть в указах военных
Не вспомнят о мужестве их,
Вы победу свою
Разделите с женой на двоих!

УЧИ МЕНЯ ЛЕТАТЬ

Учи меня летать,
Я с высотой знакома,—
Должны с тобой мы стать
Ведущим
И ведомым.
Зови меня,
Веди
По верному маршруту.
Мой друг,
Мой командир,
Придирчивый инструктор!
Крылатая судьба,
Готовь меня ко взлету,
Я меряю себя
По всем твоим высотам.
Мне в жизни повезло
На самое большое —
Идти крыло в крыло
С крылатыми
Душою!

НЕБО ЗОВЕТ

А ты еще и взрослым не был,
Товарищ мой,
Любимый мой,
Когда тебя позвало небо
В тот грозный год
Перед войной.
Твоя высокая дорога
Тебя надолго увела,
А я девчонкой-недотрогой
Тебя с войны
Сто лет ждала.
Вся жизнь — разлуки и свиданья,
Так небо властвует тобой,
И я привыкла к ожиданью
И к небу
Над моей судьбой.
Теперь
Уводит небо сына,
Мне вновь
Тревожиться и ждать...
И вечно будет небо синее
В большой полет
Мальчишек звать.

СУДЬБА

Выбирала судьбу
Поспокойнее сыну:
Пусть летает, согласна,
Только
Мирною трассой,
Но увидела строгость
В глазах его синих:
«Поздравляй меня, мать,
Офицером запаса!»
Я-то знаю,
Что значит
Офицеры запаса:
Это — порох сухим
До тревожного часа,
Это — знать высоту,
Чтоб хватило уменья
И для мирного ТУ
И для МИГов военных...
Выбирала судьбу
Поспокойнее сыну,
Чтобы мирно летал
В добром небе России,
Но ударит набат
Над родными полями —
Встанет русский солдат
Под победное знамя.
Пожелаю тогда
Сыну службы суровой,
Долгой летной судьбы,
Честной славы отцовой.
Нам иначе нельзя —
Вспомнив грозные годы,
Пусть мне скажут друзья:
— Он
Из нашей породы!

ВЫ И МЫ

Да, вы —
Богатыри широкоплечие
С орлиным поворотом головы,
Так, в бронзе и стихах увековечены,
Вошли в историю Отчизны вы.
Овеянные славой легендарною,
Крылатый удивительный народ,
Вы — племя, давшее земле Гагарина,
Разведчики космических высот.
Мир помнит ваши подвиги военные,
Враг, зная вас, не лезет на рожон.
Но вы —
Земные и обыкновенные
Для нас, для ваших матерей и жен.
Для нас одних
Вы — маленькие мальчики,
Умеющие плакать и краснеть,
Мы знаем, как топырите ребячливо
Обветренные губы вы во сне,
Как кашляете по ночам простуженно,
Как нежно плеч касаетесь родных,
Как добрыми руками неуклюжими
Вы нянчите наследников своих.
Любимые, знакомые, привычные,
Поете, поливаете цветы,
И таинство полета необычнее
От вашей
Человечьей простоты.
И виден даже в будней обнаженности
Без бронзы, без поэм и без прикрас
Тот звездный свет высокой окрыленности,
В которой все же что-то есть
От нас.

НА РАССВЕТЕ

На рассвете земля
Потихонечку вертится,
Сторожихе-луне
Сдать дежурство пора,
И вразвалку выходит
Большая Медведица
С медвежатами-звездами
В прятки играть.
На рассвете
Деревья неслышно качаются,
Ветер будит дубы,
За чубы теребя,
На рассвете
Полеты ночные кончаются,
На рассвете
Я снова увижу тебя!
Ты приходишь,
Весь пахнущий облачной свежестью,
На ресницах
Усталость лежит, как роса,
И какой-то
Небесною, звездною нежностью
Мне навстречу сияют
Родные глаза.
Я к прохладной щеке
Приникаю щекою,
Снова чувствую руки твои на плечах...
Это счастье,
Как небо большое-большое —
На рассвете
Любимых
С полетов
Встречать!

Сочи.

БЕНДЕРЫ

СОТКАНО ПНЕВМАТИКОЙ

На фотографии представлена продукция Бендерского шелкового комбината — одного из крупнейших текстильных центров Молдавии. Получив этот снимок, мы позвонили в Бендеры директору комбината Л. А. Макаревичу.

— Леонид Александрович, уж очень красивые ткани! Много ли их выпускает комбинат?

— Судите сами: раньше производилось ежегодно семь миллионов триста тысяч метров, в нынешнем году дадим двадцать миллионов пятьсот тысяч, а к концу пятилетки будем выпускать по двадцать шесть миллионов триста тысяч метров ткани.

— Иначе говоря, мощность комбината уже увеличилась почти втрое. Видимо, предприятие укрупнилось?

— Да, комбинат в этой пятилетке как бы рождается заново. Перестраиваются цехи, заменяется оборудование. Чем вызвана реконструкция? Предприятию нашему всего двадцать лет, и говорить о его старости вроде бы рановато. Но в последние годы появилось много скоростного, высокопроизводительного ткацкого оборудования. Вот мы и омолодили свое предприятие: установили новые пневматические ткацкие станки, универсальные красильные линии непрерывного действия, тканепечатные машины, новейшие линии для отделки. Реконструкция продолжается несколько лет, и все эти годы предприятие с успехом выполняло свой производственный план, кстати сказать, ежегодно повышавшийся. Перестройка продолжается и сейчас.

— Наверное, у вас появилось не только много новых машин, но и много новых рабочих?

— Да, предприятие пополнилось почти тремя тысячами человек. Очень много пришло к нам молодежи. У молодых ткачих хорошая перспектива: им предстоит работать на совершенных пневматических станках. В цехах уже установлено девяносто таких станков, а к концу пятилетки их у нас будет четыреста шестьдесят пять. Новичкам есть с кого брать пример — со знатной ткачихи, Героя Социалистического Труда Валентины Фирсовой, с замечательной нашей ткачихи Татьяны Ивановой...

— Какие новые ткани выпускает комбинат?

— Наши дессинаторы в последние годы предложили новые, оригинальные структуры тканей. Комбинат уже приступил к выпуску многих из них. Например, очень красива ткань «глория», в которой применяется металлическая нить. «Глория» идет на бальные наряды, на костюмы для артистов. Эта ткань, как и другая наша новинка — набивная ткань «бисерная», удостоена Знака качества.

Б. СМИРНОВ

Фото В. Садчикова (ТАСС).

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

МОСКВА

РЕНТГЕН ПРОВЕРЯЕТ МАШИНЫ

Атом пришел в фабричный цех, спустился в шахту. Он помогает сталеварам и текстильщикам, судостроителям и геологам. Конечно, не сам по себе атом, а приборы и приспособления, в которых используются изотопные источники. Одним из таких приборов стал дефектоскоп РИД-22 — своеобразный рентген для машин. Он может быстро, но обстоятельно «осмотреть», любую деталь машины, узнать, нет ли в ней, например, трещин или других дефектов.

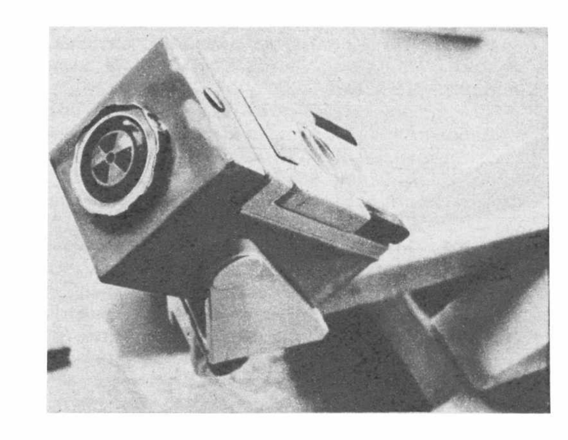
Управление излучением осуществляется автоматически — по заранее составленной программе, с помощью реле времени. Безопасность тут обеспечивается полная. Ни один дефект металла не ускользнет от внимательного атомного ока. Атом вносит поправки и в экономику. Средняя годовая экономия от применения одного РИДа 10 тысяч рублей.

Так же четко и осмотрительно работает гамма-дефектоскоп «стапель-5». Он позволяет контролировать качество свариваемых швов строящихся судов. С помощью «стапеля-5» можно это делать прямо на монтажной площадке, не останавливая других работ. Заключенная в приборе капсула с цезием-137 посылает импульсы, просвечивающие 50-миллиметровой толщины сталь или 10—12-сантиметровые пластины и швы из легких металлов и их сплавов.

Более 3 тысяч гамма-дефектоскопов поставлено Всесоюзным объединением «Изотоп» различным предприятиям и учреждениям. Они исправно несут свою нужную службу.

К. КОСТИН

Фото автора.

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

ПЕРВЫЙ АКТ ТРАГЕДИИ «ВАРЯГА»

ЛЕНИНГРАД

Крейсер «Варяг». Корабль, ставший легендой. И вот в архиве Военно-Морского Флота я познакомился с материалами, проливающими новый свет на самый первый период в жизни «Варяга».

...Утром 3 мая 1901 года на Большом Кронштадтском рейде бросил якорь красавец корабль. Золотом отливала на корме славянская вязь названия — «Варяг». Русский флот пополнился новым бронепалубным крейсером, только что пришедшим после постройки в Америке, на заводе Крамп.

Но за прекрасной внешней отделкой крейсера скрывались существенные недостатки конструкции его ходовых механизмов. Многочисленные просчеты американских корабластроителей стали обнаруживаться с первых же дней эксплуатации крейсера...

Обилие не проверенных практикой усовершенствований, по существу, превращало «Варяг» в экспериментальный корабль с очень низкой степенью надежности. Когда «Варяг» вышел в поход на Дальний Восток, чтобы присоединиться к русской эскадре, неполадки обернулись серьезными авариями. Произошла поломка в главной машине, отказала динамо-машина... Но основные беды начались в Средиземном море: лопнуло несколько трубок в холодильниках главных машин; обнаружилось опасное увеличение солености в котлах. Немедленно приступили к их очистке. На переходе в Порт-Саид течь обнаружилась в трех из тридцати котлов, и в Суэцкий канал «Варяг» вошел, держа под парами лишь шесть из них. Механики тщетно бились, пытаясь выяснить причины неполадок. Но их было так много, что возникала угроза аварии. В Суэце вся верхняя палуба корабля превратилась в площадку для очистки от накипи пораженных трубок котлов. Весь экипаж участвовал в работе — ведь надо было очистить и промыть свыше 5 тысяч трубок. Однако предотвратить аварию не удалось — близ Адена разорвало несколько трубок в четырех котлах.

...И все же поход продолжался. «Варяг» побывал в незнакомых доселе русскому флоту гаванях. Со стороны трудно было предположить, что белоснежный, сверкающий крейсер находится, по существу, в непригодном состоянии. Денно и нощно работавшие моряки старались поддержать хотя бы то полурабочее состояние, в котором находились механизмы.

Позже специалисты признают, что недостатки в конструкции «Варяга» были неустранимы. Неудачные котлы не позволили корабельным машинам развить полную силу. Лишенному возможности маневрировать «Варягу» предстояло погибнуть в тесной ловушке Чемульпо...

Р. МЕЛЬНИКОВ

Нина ВЕРИНА

Фото А. БОЧИНИНА, А. НАГРАЛЬЯНА.

НАС У МАМЫ ДЕСЯТЬ

Ох, только бы не перепутать! Итак, стеснительная белокурая девушка с малышкой на руках — это Катя. Быстроглазая, бойкая девчонка, которая так сноровисто стирает свое бельишко,— Оленька. Неулыба с сосредоточенным взглядом больших серых глаз — Юля. А дальше? Кто же там, на диване, с вязаньем в руках? Наташа или Люба? Вот уж и не знаю. Запуталась все-таки...

— Да вы не смущайтесь. Разве их так сразу запомнишь?— мягко улыбается Евдокия Александровна.— Я вот им мать и то иногда вместо Нади Галку зову. Десять ведь их у меня. А коли с внучками считать, так целая дюжина.

Вот-вот. Потому-то и пришла я сюда, в новый дом на Онежской улице Москвы, что живет здесь большая семья Климовых. О многодетных семьях пишут часто и охотно. Ведь это всем интересно, что и говорить. Мы испытываем немалые трудности, воспитывая даже одного-двух ребятишек, а тут — десять! Трудности здесь вырастают, наверное, даже и не в десять, а во много раз больше. Видимо, поэтому проблемы воспитания каждая такая семья решает по-своему. Нам захотелось узнать, как решает их рабочая семья Климовых. Семья, где три дочери уже взрослые, сами обзавелись семьями.

Поднимаясь на пятый этаж дома на Онежской, я невольно прислушивалась: не доносятся ли оттуда, сверху, детские голоса? Столько ребят, шумят, небось. Но ничего не было слышно. Вот тут живут Климовы — две трехкомнатные квартиры на одной площадке. У дверей — велосипеды, санки, коляски и прочее ребячье имущество, за дверьми — тишина. Неужели никого не застану? Хозяйка оказалась дома, и младшие дочери уже вернулись из школы. А тихо потому, что шуметь просто некогда — все заняты делом. Кто шьет, кто рисует, кто читает, кто помогает матери на кухне. Евдокия Александровна готовит обед. На кухонном столе в огромной миске высится гора румяных, пышных блинов, на плите в большущей кастрюле весело булькает борщ.

— Вот они, мои трудности,— улыбается хозяйка.— Одна готовка сколько времени отнимает! Только картошки в день по пять килограммов чистим. А еще стирка, штопка, уборка. Да разве все домашние дела перечтешь?.. Уроки у каждой проверить необходимо—нынче у нас семеро в школу ходят. Да и секреты девчоночьи послушать надо: стоит разок отмахнуться от разговора, так, пожалуй, и делиться со мной перестанут. А я дома-то не весь день — работаю арматурщицей на фабрике «Ява», двадцать четыре года, и все в одном цехе. Теперь со мной на «Яве» два зятя трудятся — Евгений и Виктор, оба механики... Самое трудное, когда болеют мои девчата. Одна захворает, и другие, глядишь, киснут. Разве в такой большой семье убережешь...

О трудностях Евдокия Александровна говорит легко, не жалуясь, не взывая к сочувствию. Я сказала ей об этом и услышала в ответ:

— Так ведь и радостей у нас побольше, чем в маленьких семьях. Вот уж трех дочерей замуж выдали, и все живут дружно, согласно. Разве это не радость для родителей? Девочки растут старательные, ласковые и к труду прилежные, в общем-то я довольна ими... А на трудности у меня помощники хорошие. С нами живет моя мать, Екатерина Леонтьевна. Всех своих внучек нянчила, теперь уже правнучек пестует. А главный помощник — сам хозяин, муж мой, Иван Федорович. Душевный он человек. Двадцать четыре года женаты мы, а я от него грубого слова не слыхала. С детьми добрый, терпеливый. И на работе Ваню ценят. Много лет он мастером на авторемонтном заводе. Группарторг, рационализатор. Девочки им гордятся. Заболел как-то наш отец. Так сразу к нему с завода товарищи приехали. Проведать, а заодно и справиться: скоро ли выздоровеет? Трудно нам, дескать, Федорыч, без тебя... Да и по дому Ваня все успевает. Телевизор ли починить, часы, машинку швейную — для этого мы мастера не приглашаем, отец сам справляется, сапожничает для нас, даже и шить умеет. А свободное время, что остается, он девочкам отдает. В этом доме мы три года живем. Частенько я вижу: вернутся с работы мужчины и во двор — козла забивать. А отец наш, если и выйдет из дома, так с девчатами погулять или в магазин. Весной вместе с ними во дворе цветы сажает, деревья...

Пока мы беседуем, в дверь все время звонят. Пришли из кино Юля с Любой, раскрасневшиеся, веселые. Вернулась из городского Дворца пионеров Надя, быстренько собрала вокруг себя младших сестер и принялась читать им какую-то книгу. Не знаю какую, но девчата так заливисто смеялись, что было ясно: книжка интересная. Дробно простучала каблучками Ирина, прибежала с работы — она проходит практику на бензоколонке, будет заправщицей — и начала собирать на стол. Под вечер приехал муж Кати, Николай,— участковый инспектор 86-го отделения милиции и студент — учится заочно в юридическом институте. Молодые родители закутали свою восьмимесячную Еленку и отправились домой. Едва они ушли, младшие сестры принялись с восторгом рассказывать мне, как чудесно было у Кати на свадьбе. Вот тут, в этой квартире, и праздновали. Гостей набралось человек восемьдесят. Все принесли розы, гвоздики. Где только отыскали их в ноябре? А сослуживцы Николая преподнесли молодым подарок — ордер на двухкомнатную квартиру.

Вот наконец вернулся с работы Иван Федорович. Первый мой вопрос к нему был все тот же — о семейных заботах, сложностях.

— Ну, что вам сказать? Сложности материальные в основном для нас позади. Раньше было действительно нелегко. Поженились мы с Евдокией Александровной в сорок седьмом. Сами понимаете, время было послевоенное. Отсюда и все трудности. Я тогда только что вернулся из Владивостока, где десять лет проработал приБористом по комсомольскому набору. В Москве у меня не было ни кола ни двора. Первое время жили мы у родителей жены, в ветхом доме, без удобств. Пошли дети, что ни год — прибавление семейства. Конечно, сложновато приходилось во всех отношениях — и опыта родительского у нас еще не было, да и денег не хватало. Спасибо, государство помогало: пособие мы получали. Все девочки воспитывались в садике фабрики «Ява». Бывало, утром одну на руках несу, другую везу на саночках, а еще две сами сзади поспешают. Когда девчушки подросли и пошли учиться, нам школа помогала, и завод мой, и фабрика Евдокии Александровны. Летом девочек бесплатно в лагеря отправляли, в санатории. А школа нам деньги выделяла из фонда помощи многодетным семьям. Теперь с материальной стороной в общем-то полный порядок. Квартиры у нас, как видите, хорошие, новой мебелью уже обзаводимся. Старшие дети на ноги стали, Вера в училище поступила и нам стипендию отдает. Да и у нас с матерью зарплата неплохая. Так что вполне справляемся. И давно уже на первый план другие заботы выплыли — воспитательные. Нет, я на дочерей не жалуюсь: и послушные и скромные...

— За их поведением мы строго следим,— вступает в разговор Евдокия Александровна.— Знаем, как проводят девочки свободное время, с кем дружат, в каких семьях бывают. Без родительского контроля и разбаловаться недолго. Вот тут недавно расстроилась я. Возвращалась с фабрики вечером, идет навстречу мне компания — подростки еще. Посмотрела на них, и сердце замерло: одна девчонка накрашена, и папироса в зубах. Шагнула я к ней. «Что ты,— говорю,— глупень-

---

В первом классе учится Галка — десятая дочь Климовых.

На развороте вкладки:

Иван Федорович:— Везет же нам на девчонок — и во втором поколении пока только девочки!

Второклассница Ольга — человек жизнерадостный.

И все — сестры, все Климовы.

кая, делаешь над собой?» Я и считаю: в семье у той девочки что-то неладно. А там, где родители согласно живут и постоянно следят за детьми, такого, по-моему, быть не может. Конечно, с детьми лучше лаской. Но иногда и наказывать приходится. В угол не ставим, пожалуй, на всех и углов не наберешься. Мы иначе наказываем. Обещала я, скажем, младшей куклу купить в получку, а она бабушке нагрубила. Так я покупку-то откладываю до времени. Или принесет дочка из школы двойку, а сама в театр собирается. Нет уж, милая, пока никакого театра.

— Вот-вот,— подхватывает Иван Федорович,— наказываем обычно, лишая удовольствий. А вообще-то мы считаем так: наказание или поощрение — это тоже мера воспитания. Но главное, чтобы человек, даже самый маленький, был занят интересными делами, чтоб его к чему-то тянуло, чтоб душа его была заполнена и голова бы работала. А для того, чтоб вовремя подметить склонности детей и настроить их на интересное, нужно самим многое знать. Я говорил вам, что служил на Дальнем Востоке, и дочки часто просят рассказать им о тех краях. Но своего только жизненного опыта мало. Девочки спрашивают о самых разных вещах. И попробуй отшутиться, уклониться от ответа. Детям в конце концов станет с тобой неинтересно, и тогда ты уже не сможешь ими руководить. А багажа знаний иногда не хватает. Вот и приходится тянуться изо всех сил. Я в свое время учился в народном университете культуры, теперь занимаюсь в университете технического прогресса — и по работе нельзя отстать, и перед дочерьми тоже свою марку ронять негоже... Коли хочешь вырастить достойного человека, надо и самому для него во всем примером быть. Тут-то мне туго приходится: учиться в моем возрасте уж нелегко, да и домашние дела много времени берут...

— Но ведь дочери и вам и матери помогают по дому,— больше утверждаю, чем спрашиваю я, потому что наблюдала, как ловко управляются они с хозяйственными делами.

— Ничего не скажу, помогают,— говорит Евдокия Александровна.— И очень охотно.

— Ну, конечно, мы стараемся,— встревает восьмилетняя Ольга.— Я все свои вещички сама стираю, и глажу, и воротнички к форме пришиваю.

— А я больше всего люблю в магазины ходить,— вставляет словечко семилетняя Галка. Ну до чего ж этой девчушке идет ее имя! Черненькая, шустрая, настоящий галчонок.— По целых три кило картошки маме приношу, но только мне апельсины лучше нравятся.

— Что и говорить, помощницы у нас знатные,— ласково усмехается мать.— Те, кто постарше, не только сами стирают или шьют, но и младших обучают. Но мы с отцом все же стараемся особенно их не загружать. Самое главное для них сейчас — учение. А кроме того, каждая из наших девиц к какому-то своему занятию тянется. Это очень хорошо — любимое занятие. Кто знает, может, оно потом их взрослую жизнь определит.

Разговор о помощи детей я завела не случайно. Причина тут была вот какая. Частенько в очерках о многодетных семьях читаешь, что дисциплина здесь образцовая, что для всех детей строго расписаны обязанности по дому и даже заведены настоящие дежурства — по стряпне, стирке, покупкам. Читая такое, я думала: иначе-то, пожалуй, и нельзя. Естественно, что в таких больших семейных коллективах у каждого, даже у малыша, должны быть определенные обязанности. Иначе родители просто не справятся. А они тут вроде как дирижеры: утром взмахнут палочкой, и сразу согласно зазвучит семейная симфония — одна группа спешит в магазин, другая — моет тарелки, третья — орудует у стиральной машины. Но вот другой взмах палочки, и тема симфонии переменилась — дети сразу садятся за уроки. А потом все так же согласованно отправляются на прогулку. При таком распорядке родители могут и в театр вечером сходить и в гости — дети сами себя обслужат и спать уложат. Вроде бы все очень стройно и красиво получается. Но странно, почему-то возникало и сомнение: а так ли хороша для ребят эта стройность, заданность, расписанность? С досугом родителей получается неплохо. А как с досугом детей? Для него-то времени явно негусто. Но ребенок остается ребенком. Постоянная загруженность, любое действие по команде — целый день! — ему тягостны. Дисциплина, конечно, вещь сколь необходимая, столь и прекрасная. Только все хорошо в меру. Детям ведь нужно не просто переключение с одного занятия на другое, но и самый обычный отдых — самозабвенная игра, беготня и даже шалости, безобидные, конечно. А иногда и маленькому человеку необходимо просто-напросто побыть одному, вроде бы без всякого дела, подумать о чем-то своем. Наконец, еще вот что: а не сковывает ли такая строгая дисциплина, заданность занятий, когда все по команде, инициативу ребенка? Не мешает ли в чем-то свободному проявлению его вкусов, стремлений, пристрастий, всему тому, что потом, в будущем, поможет ему определить свой жизненный путь, выбрать любимую профессию?

В семье Климовых я провела немало времени. Присматривалась, наблюдала за жизнью большого и сложного семейного коллектива. И меня все больше и больше привлекала раскованность детей. Было видно: все, чем они занимаются, их по-настоящему увлекает. Труд девочкам здесь не в тягость, а в радость, потому что родители ими не командуют, а разумно наставляют, ненавязчиво направляют их энергию, вкусы, пристрастия. Окончательно убедили меня в этом разговоры с сестрами — и старшими и младшими. Многие из них уже твердо определили для себя будущую профессию.

Катя и Ирина — обе они уже матери — проходят сейчас практику на бензоколонке, чтобы стать заправщицами, а Катя еще и учится в одиннадцатом классе вечерней школы. Она рассказала мне:

— На бензоколонке буду работать, пока моя Елена немного подрастет. Там ведь удобно: сутки дежуришь, три дня отдыхаешь. И Ира поэтому на колонку пошла, чтобы за своей дочкой приглядывать. А вообще-то я хочу быть медсестрой. Очень мне нравится ребятишек лечить, выхаживать. Вот отправлю Еленку в детский сад и поступлю в медицинское училище...

А Веру, ей семнадцать лет, привлекает другое: кристаллография, минералогия. На ее столике аккуратной стопкой лежат книги — Г. О. Гомон «Алмазы», И. И. Шафрановский «Алмазы», И. С. Рожков, А. П. Моров «Алмазы на службе человека». Я спросила Веру: наверное, этот подбор книг не случайный?

— Конечно, нет,— ответила она.— Я учусь и в девятом классе школы рабочей молодежи и в училище, где готовят огранщиков алмазов. Представляете, дают тебе такой небольшой алмазик — тусклый, невидный. Ты наносишь на него грань за гранью, фацету за фацетой, и он прямо у тебя в руках расцветает, начинает сверкать, переливаться... У нас преподаватели замечательные. Так увлекательно о камнях рассказывают. Я решила: стану огранщицей и буду изучать минералогию дальше — поступлю в горный техникум.

— Вера, а с кем из сестер ты больше всего дружишь?

— Со всеми дружу. Но ближе всех я, пожалуй, с Надей, хотя она и младше меня на три года и интересы у нас разные.

Надя давно зачитывается книгами о путешествиях, особенно морских. И вот уж второй год занимается в клубе юных моряков «Нахимовец» при городском Дворце пионеров. В клубе, которым руководит Михаил Иванович Тарасов, растут заправские моряки. Ребята изучают устройство кораблей, учатся водить катера, шлюпки. И зачеты сдают и практику проходят на Речном вокзале. А в прошлом году их клуб Первого мая маршировал по Красной площади.

— А мы Надю все в телевизор высматривали,— говорит Юля.— Так красиво они шли, и форма, как у моряков.

— Наверное, тебе тоже захотелось поступить в этот клуб? — спрашиваю Юлю.

— Нет. Я собираюсь в другой — юных биологов, при зоопарке,— отвечает она.— Мне нравится воспитывать животных. Я уже собаку вырастила.

— У нас Юля еще и рисует хорошо,— говорит Люба.— Ее картинки на школьные выставки берут... По-моему, у нее лучше всего собаки нарисованные получаются.

— А сама ты, Люба, чем интересуешься?

— Люблю вязать, но больше всего хочу стать парикмахером. Очень мне нравится, когда люди красивые. А парикмахер ведь помогает быть красивыми, правда?

Какое разнообразие интересов, пристрастий, привязанностей! Сколько терпения, наблюдательности, такта нужно было проявить родителям, чтобы так бережно и неназойливо выявить стремления своих детей, развивать в них тягу к прекрасному и к полезным жизненным делам. Только накормить, одеть, обуть десять ребят и то нелегкое дело, а воспитать всех людьми развитыми, деятельными, целеустремленными — это уже труд невероятно сложный. И я подумала: как же хорошо, что у нас есть высокое звание — мать-героиня, как точно отвечает оно сущности таких людей, как Евдокия Александровна Климова! Всю свою жизнь, день за днем, без остатка отдает она счастью своих детей. Вот он, на первый взгляд такой будничный, но на самом деле высокий, благородный жизненный подвиг.

Зоя ГРАЖДАНСКАЯ

ПОЛОТНЯНЫЙ КРУГ

На круге сушили зерно
(Такой был огромный круг).
Померкшее полотно
Хранило очей испуг.

Хранило испуг коней
В заоблачной высоте
И чье-то лицо в огне...
(Как видно, из барских затей).

А годы летели вдаль.
Чернел полотняный круг:
Никто ничего не видал...
Потом появился друг.

Усталый от долгих дел,
Он к полотну приник
И что-то вдруг разглядел,
Издал изумленный крик.

Слегка поскреб полотно.
На нем сверкнули лучи.
Писал он в музей, в облоно,
И круг повезли лечить.

Лечили и год и два...
А там проступили вдруг
Кудрявая голова,
Изгиб белоснежных рук.
Там, легкие вожжи держа,
Он смотрит куда-то вбок,
А кони от гнева дрожат,
И страшен их дерзкий скок.

Евдокия Александровна: — Ну, дочки, что вы сегодня натворили!

Океанские просторы манят и Надю Климову и ее подругу Галю Зарубину.

Светлана ЛИЛОВА

БДИНСКАЯ ПОЭМА

Посвящается городу, носившему три имени — Бдин, Будин, Видин,— но всегда остававшемуся символом свободолюбия Болгарии.

* * *

В смуглой Мизии [1]— смуглое солнце,
Древний город мой — вечность и миг...
Там, железом гремя, крестоносцы
Смуглых дедов рубили моих.
Там победно рядился Аттила
В шлем свой царственный
с конским хвостом.
Пепел холоден был, как могила,
Над замолкшим, угасшим костром.
Но отсвечивал меч праболгарский,
Словно луч медовицы, сверкал.
В конопляной рубахе — не царской —
Прадед мой за народ умирал.
Умирал, оставляя в тумане
Возле Истроса [2], на берегу,
Светоч смелости,
Чтобы славяне
Сберегли его.
Я берегу...

* * *

Ты будешь, Будин!— думаю о нем,
Ты будешь — под мечом и под огнем.

* * *

Древнее солнце сияет,
Травами нивы увиты,
Истроса волны ласкают
Крепость
Боярышни Виды.
Башни, готовые биться,
Каменно строгие лица,
Зорко взирают бойницы,
Бдят смуглоликие бдинцы.
Истрос — то синий, то белый,
Истрос — то бурный, то кроткий...
Словно смолистые стрелы,
Свищут турецкие лодки.
Древнее царство Шишмана [3],
Кровью кипящее лето,
Меч Баязида-султана...
Нет тебя...
Нет тебя...
Нету...
Древней Болгарии нету!

* * *

На бдинцев первым нападает враг.
Сверкают сабли, поражают стрелы.
Но никогда не обратится в прах
Болгарии израненное тело.

* * *

Тонкоствольные тростинки
Свистят,
Поднимается туман
От реки,
И багровый обжигает закат
Поржавевшие от крови
Клинки.
А над крепостью
Встал минарет
И неволю на заре протрубил,
Полумесяца железного свет
Он к болгарскому небу
Прибил.
А тростинка, Шишман,
Все свистит —
Снова к бою призывает меня.
Мрачно Пазвантоглу [4] летит —
В колеснице четыре коня.
В древней крепости —
Новой тюрьме,
В башне,
Полной налитого зерна,
Вижу:
Тонет прабабка во тьме,
До земного погружается дна.
Ее руки отвергли обман,
Оттоманские отвергли шелка
И нащупали сквозь смертный туман
Боль плененного врагом колоска.

* * *

Ты будешь, Будин,— думаю о нем,—
Ты будешь под мечом и под огнем,
Ты вражеские ласки оттолкнешь
И с белоснежной совестью умрешь.
Но смерть твоя оставит все равно
Нетленной жизни теплое зерно.
Не птица Феникс и не птица Рух —
Болгарии вольнолюбивый дух!

* * *

Темен полуночный край,
Голос безответен,
С древних башен на Дунай
Рвется, рвется ветер.
Рвись!
Чтобы дозор врагов
Шума не услышал —
От дунайских берегов
Флот на веслах вышел.
А колокола гудят,
Брат встает за брата:
«В бой! И нет пути назад,
Русские солдаты!»

Что стряслось с тобой, Дунай,
В этой темной ночи?
Или видят дальний край
Любящие очи?
«Волга, Волга...»
Грянул гром —
Вместе вы поете!
Перед Стенькой-бунтарем
Вырастает Ботев.
За волной идет волна,
Как в семье погодки,
И качает тишина
Спрятанные лодки.
Фосфором горит песок,
Медленный и вязкий...
Но неотразим бросок
Двух держав славянских.

* * *

Мой Будин, на дунайских берегах
Твой подвиг небывалый многотруден.
Я знаю, что останется в веках
Твоя несломленная верность, Будин!

* * *

Как молодая мать дитя свое,
Дунай качает смугловатый Видин.
Дремотно подступает забытье...
Но гордый блеск
в глазах раскрытых виден.

* * *

И, словно в старину, копье бросая,
По пепелищу ледяных равнин
Идет сурово Мизия босая,
Идет сурово Видин, Будин, Бдин.
Не заросли гайдуцкие тропинки,
Ступают партизаны по земле.
Опять у житной башни по старинке
Шагает столб к столбу, петля к петле.
И музыка захлестывает пристань,
И барабаны — вестники беды...
Как туча в небе — свастика нацистов,
И черный цвет — от крови — у воды.

Но Видин — видит...

Эй, парни, зарядившие винтовки,
В рубахах домотканой конопли,
Уже отцы с крестьянскою сноровкой,
Чтобы помочь вам, с вилами пошли.
Эй, парень! Роза расцвести успела
От вражьей пули на твоей груди...
Но знай, что в прорезь твоего прицела
Сам Ботев зорко на врага глядит!
И, плавно проплывая по Дунаю,
Овеянная невскою водой,
Реальная, привычная, родная —
«Аврора» повторяет выстрел свой!

* * *

На маленькой площади спит вокзал,
Деревья осенние спят.
И медленно падает на пьедестал
Бронзовый русский брат.

От Зимнего долго он к Видину шел,
Много ночей и дней,
Над ним — рассветов знаменный шелк
И слезы поздних дождей.
Но он стоит — спокоен, высок,
Ружье сжимает рука,
Как руки прабабки моей в свой срок
Сжимали боль колоска.

И вдруг — он встревожен —
Ушла тишина.
Может быть, из берегов
Вышел Дунай,
И заполнит волна
Улицы — русла домов?

Нет, не шипенье волны, а шаги,
Ясная свежесть полей.
В русской чечетке гудят сапоги,
Вторит им стук цирвулей.

Мизия выпрямилась.
И тогда
Вспомнил пророчество Будин:
«Будет маем сентябрь навсегда,
Будет!»

А на дунайском крутом берегу
Катюша поет.
Я у песни в долгу!

* * *

Под пеплом нужно вновь рожать земле
И умножать народное богатство...
Мой Видин! Вижу на твоем челе
Счастливый свет проверенного братства.

С тобою будет Будин, будет Бдин,
Глаза моей страны — твои бойницы!
Я вижу, как из вековых седин
Сегодняшняя молодость родится.

Перевела с болгарского
Ирина ОЗЕРОВА.

---

[1] Мизия — Северная Болгария.
[2] Истрос — древнегреческое название Дуная.
[3] Болгария до порабощения Турцией.
[4] Наместник турецкого султана.

Надежда КОЖЕВНИКОВА,
Сергей АБРАМОВ

Герои фильма «Тени исчезают в полдень». Фото Г. Александровой.

СУДЬБЫ, ХАРАКТЕРЫ, ПАМЯТЬ

Говоря об экранизации литературного произведения, трудно удержаться от сравнений с первоисточником — романом или повестью... Когда читатель знакомится с книгой, а потом смотрит ее киновариант, он особенно пристально следит за воплощением в реальные, конкретные образы всего того, что раньше только зарождалось в воображении.

Роман Анатолия Иванова «Тени исчезают в полдень» недавно экранизирован для телевидения режиссерами В. Краснопольским и В. Усковым, сценарий написали А. Витоль и А. Иванов. И вот в разговоре об этой новой работе телевидения хотелось бы избежать привычных сопоставлений литературного источника и его телеварианта. Поскольку перед нами два самостоятельных художественных произведения, их и оценивать надо вне зависимости друг от друга, руководствуясь в каждом случае особыми критериями.

Материал в многосерийном телефильме выстроен совсем иначе, чем в романе. И это понятно. В романе события происходят в основном в наше время, в шестидесятые годы, но с постоянными ретроспекциями: действительность перемежается воспоминаниями. Фильму же, тем более многосерийному, потребовалась хронологическая последовательность событий. Поэтому изменились и самая ткань повествования и метод раскрытия характеров героев.

Прошлое персонажей в романе становится нам ясно не сразу. Читатель поначалу может только догадываться, кому из обитателей Зеленого Дола хотелось бы уйти в тень, спрятаться от людских глаз. В фильме же, как говорится, все карты раскрыты. Ничего тайного в биографии героев для зрителя нет, интерес же перенесен на развитие самих судеб и характеров героев. Но и в романе и в фильме внимание авторов сосредоточено на главном — исследовании корней жизни человека, откуда, из чего произрастает событие, возникает история...

Жизнь уральского села Зеленый Дол, впоследствии ставшего советским колхозом имени Марьи Вороновой, первой его председательницы, показана почти с полувековым размахом: революция, коллективизация, война, послевоенные годы... Поколения сменились за это время. Но благодаря твердой драматургической основе фильма ни в событиях, ни в судьбах героев не происходит никакой путаницы. Зрителю нетрудно проследить, как тянется через многие годы ниточка человеческой жизни, как вплетается она в общий узел человеческих судеб — а их много в этом произведении,— судеб интересных, непохожих одна на другую.

Вот Марья Воронова, первая председательница села Зеленый Дол; ее играет Н. Русланова. Для молодых обитателей села имя Марьи стало уже легендой. И самая гибель ее приобрела с годами символический, опоэтизированный смысл. Но мы, зрители, помним, что гибель эта была страшна, беспощадна. Помним батрацкое прошлое Марьи, видели, как стала она героиней... История Марьи потому не превратилась в отвлеченно-бесплотную сказку, что в сознании зрителя ее образ не оторвался от своих живых, реальных корней, а дает ощутить по-новому временной масштаб происшедших событий.

И если все события в фильме развиваются в хронологической последовательности, то это вовсе не значит, что герои, а вместе с ними и зрители избавлены от груза воспоминаний... Ретроспективный прием как бы перенесен вовнутрь, память теперь подсказывает зрителям многое в восприятии поступков героев. Да, в конце концов самая суть главного конфликта фильма — в человеческой памяти...

События истории по-разному запомнились персонажам. Серафима Клычкова, она же Пистимея Морозова (А. Завьялова), не может забыть своих золотых приисков, былого богатства; Фрол (В. Гатаев) всю жизнь расплачивается за предательство... Клаша (Г. Польских) не забывает, ждет с войны своего мужа Федю Морозова (Г. Корольков), убитого в разведке... Человеческая память много значит для характеров главных действующих лиц фильма — характеров самобытных, красочных, крупных, под стать событиям, которые пришлось пережить героям.

Задача актера — показать жизнь человека на протяжении нескольких десятилетий — трудная задача. Надо не только осмыслить и одухотворить облик своего героя, но и проверить его, так сказать, на подлинность, на крепость... Очень многое, тайное выражают у человека глаза... Все больше мрачнеют, тяжелеют они у Кости Жукова — Устина Морозова (С. Яковлев). Взгляд этих глаз поначалу изучающе-любопытен... Так глядел Костя на приезд Серафимы к отцу... Но потом наполняются они жестокостью, ненавистью, а далее и бессильной, бессмысленной злобой. Двадцать прошедших лет не просто старят Устина и Пистимею Морозовых, Анисима Шатрова (Л. Поляков) и Захара Большакова (П. Вельяминов)... Во внешности их персонажей как бы проступает постепенно то главное, характерное, что было заложено в них и раньше, но что лишь впоследствии углубилось и резче обозначилось с годами...

Успех книги А. Иванова, разумеется, в какой-то мере предопределил успех экранизации. Но актеры, прекрасно поняв то, что было заложено в характерах литературных персонажей, ярко, крупно воплотили их в телефильме.

Ряд актерских удач хотелось бы отметить еще и потому, что со многими из этих актеров телезрители не были раньше знакомы или знакомы мало.

Петр Вельяминов, сыгравший Захара Большакова, впервые снимался в кино, да и Сергей Яковлев, так интересно раскрывшийся в этом фильме в роли Устина, тоже не столь уж часто появлялся на экранах кино и телевидения. Думается, после просмотра многосерийного телефильма «Тени исчезают в полдень» в творческих судьбах некоторых актеров произойдут счастливые перемены: удачи их не могут остаться незамеченными. И благодарить за это надо режиссеров В. Краснопольского и В. Ускова, не только удачно подобравших типы исполнителей, но и порадовавших нас новыми актерскими именами.

Хотелось бы сказать о музыке в фильме... Особый словесный строй романа неизбежно изменяется при экранизации, и воссоздавать этот строй надо уже киносредствами. Одно из таких очень важных средств кино — музыка; к фильму «Тени исчезают в полдень» она написана композитором Л. Афанасьевым.

Что касается многосерийности, то телефильм «Тени исчезают в полдень» еще раз доказал, что отнюдь не только детективные сюжеты могут привлекать внимание зрителей в течение нескольких вечеров. Серьезные, значительные события истории нашей страны, сфокусированные в жизни одного уральского села, полные острых конфликтов, противоречий и динамического накала, смотрелись неотрывно бессчетной аудиторией ТВ.

Полет окончен.

Владимир КОТЕЛКИН

Одиннадцатое августа 1964 года. Обычный летний день. На одном из аэродромов хлопотали у самолетов техники, суетились бензозаправщики. Летчики, волнуясь, готовились в испытательный полет...

И все-таки необычным был тот день: намеревались перекрыть мировой рекорд скорости. За штурвалом самолета Л-29 — военный летчик Марина Попович. Не новичком шла Марина Лаврентьевна на штурм рекорда. До этого дня она освоила пятнадцать типов самолетов, налетала в общей сложности около тысячи трехсот часов. Участвовала в трех воздушных парадах в Москве. Многие ее ученики стали опытными летчиками.

Еще и еще раз осматривает летчица машину. Кажется, все в порядке. На борту установлена регистрирующая полет аппаратура. Самолет взвешен и опломбирован. Точно рассчитаны все характеристики, тщательно проработан маршрут — летчице пройти над тремя точками, оборудованными фотокинотеодолитными установками. Специфика и трудность полета в том и заключаются, чтобы точно пройти по треугольнику: малейшее удлинение пути скажется неминуемо на результатах.

И вот самолет в небе. Не отклонилась Марина от маршрута—каждый поворот над контрольной точкой совершен чуть ли не вокруг собственной оси. И наконец родной аэродром. Летчицу встречали друзья. И хотя еще не были сняты показания приборов, ее поздравляли и обнимали. Все уверены: рекорд есть! Да какой рекорд! Первый, установленный женщиной на реактивном самолете в СССР! В конце того памятного 1964 года Марине Попович была вручена Золотая медаль и диплом ФАИ, а также присвоено звание мастера спорта СССР. А самое главное — во всяком случае, для Марины! — ее допустили к экзаменам на звание военного летчика-испытателя.

Летчик-испытатель... Имена многих из них стали символом мужества и героизма. Чкалов, Бахчиванджи, Юмашев, Мосолов... Но чтоб женщина испытывала новейшие реактивные машины — такого мир еще не знал.

«Мы бывали в таких переделках,
Лишь летавший все это поймет...»

Летчика-испытателя на каждом шагу подкарауливают коварные

случайности. Многое испытала Марина Попович в своей новой профессии. Однажды у нее неожиданно разгерметизировалась кабина на высоте семнадцать тысяч метров. В считанные доли секунды, теряя сознание от нехватки кислорода, летчица успела задрать нос самолета, выпустить шасси, включить аварийную подачу кислорода... Это спасло ей жизнь. На высоте двенадцать тысяч метров Марина пришла в себя, вывела самолет в горизонтальный полет. А после приземления крылья машины оказались волнистыми, на них, как говорят летчики, появились «гофры» — верный признак огромных перегрузок.

В другой раз Маринин самолет, едва оторвавшись от взлетной полосы, камнем упал на землю. И надо же было такому случиться, что это происшествие пришлось как раз на день рождения летчицы!

Полет летчика-испытателя — это своеобразный рекорд мужества. За спиной Марины не один такой полет. Но она установила и побила немало и настоящих рекордов и по сей день сохраняет звание рекордсменки мира.

Полет на высоте пятнадцать тысяч метров Марине пришлось совершить в специальном высотном костюме — на случай разгерметизации кабины. Марина сама проверяла костюм в баро- и термокамере, испытав на себе все перепады режимов на высоте от одного до пятидесяти километров. Летом 1965 года самолет «РВ», пилотируемый Мариной Попович, показал рекордную скорость.

Страсти еще не улеглись, а Марина уже готовилась к преодолению третьего барьера. Раскрытые ею летные возможности отечественной машины «РВ» позволяли надеяться на успех.

13 августа 1967 года, пожалуй, самый счастливый день в жизни Марины... «Незабываемый это был полет,— вспоминает она.— Пролетая над Волгоградом, запрашиваю: «Разрешите пролет зоны, высота двадцать тысяч». Разрешают. Затем запрашиваю о том же другой аэродром. И вдруг в спокойном в тот ранний час эфире раздается негромкий голос: «Бабонька, куда тебя черт занес на такую высоту?» Как выяснилось позже, эту мою радиограмму услышал летчик Аэрофлота с рейсового ТУ-104. Признаюсь, эти шутливые слова взбодрили меня и придали новые силы».

А между тем с поворотного пункта под Москвой поступила радиограмма: «Все нормально, укладываешься в режим. Так держать, молодец!» Все, казалось, приближало полет к счастливому окончанию. И вдруг на подходе к Астрахани малоприятная весть: в районе аэродрома пыльная буря, боковой ветер 25 метров в секунду! Это значит придется искать другой аэродром. И рекорд может быть не засчитан: согласно правилам ФАИ, полет должен совершаться по замкнутому маршруту. У самой Астрахани приборы просигналили: горючее на исходе, запаса хватит лишь на пятнадцать минут. Возникла одна из тех критических ситуаций, в которой летчик обязан находить единственно верное решение. И Марине помог ее летный опыт. Чтоб сэкономить горючее, она начала снижение с выключенным двигателем и лишь за четыре километра до аэродрома вновь запустила его. Самолет приземлился благополучно, и, когда топливо слили, его оказалось всего несколько килограммов. Это практически не вырабатываемый остаток.

Так Марина Попович пролетела на реактивном самолете расстояние в 2 510 километров, превысив на 400 километров прежнее достижение известной американской летчицы Жакелины Кокран, которая, кстати, вскоре прислала ей теплое поздравление. За этот рекорд шестьдесят первая Генеральная ассамблея ФАИ в 1969 году присудила Марине Лаврентьевне почетный диплом Поля Тиссандье. А на груди у нее заблестела третья по счету именная Золотая медаль...

Звездная семья. Фото К. Каспиева.

Этот маленький рассказ об удивительной женщине и замечательной летчице был бы неполным, если б я хоть немного не рассказал о «земной» жизни Марины Попович.

Было это на Севере. Однажды муж Марины, известный летчик-космонавт Павел Попович, который в то время был просто летчиком, пришел домой в сильнейшем волнении — у товарища-сослуживца случилась беда: жену разбил паралич, ее положили в больницу. Единственная же дочка осталась без присмотра. Марина не дослушала мужа до конца. Она помчалась к дому Шабановых — так звали друга — и взяла двухмесячную девочку к себе. С того момента семья Поповичей увеличилась на одного человека. А ведь у Марины хватало и своих забот — ее дочери Наташе в то время было всего шесть месяцев. Отныне Марина выходила на прогулку с двумя колясками. До тех пор, пока мать девочки не поправилась и не забрала дочь домой.

Труд определяет всю жизнь Марины Попович. Рабочий ее день заполнен до предела. Вот прямо с аэродрома она отправляется на слет ударников коммунистического труда Московского ордена Ленина пищевого комбината. На другой день — занятия в кружке художественной самодеятельности. С не меньшей гордостью, чем знак летчика-испытателя, М. Попович носит звание артиста народной филармонии — она хорошо поет, сочиняет частушки. И хоть давно я знаю Марину, был немало поражен, когда узнал, что она пишет и стихи.

* * *

Накануне Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота командир корабля М. Попович с экипажем на самолете «Антей» с грузом 30, 35, 40, 45 и 50 тонн в полете по замкнутому одна- и двухтысячекилометровому маршрутам установила десять мировых рекордов!

ТАТЬ—ЭТО ЖИТЬ

Леонид СОБОЛЕВ

Год назад ушел из жизни большой советский писатель Леонид Сергеевич Соболев. Но долгая замечательная жизнь суждена его произведениям, таким, как роман «Капитальный ремонт», повесть «Зеленый луч», сборник рассказов «Морская душа». А ведь это еще далеко не все, что написал Леонид Сергеевич. Предлагаем вниманию читателей главу из его повести «Цена времени», к сожалению, оставшейся незавершенной.

После долгого перерыва мне снова довелось пожить некоторое время в Ленинграде. Приехал я туда в середине июня — как раз той порой, когда белые невские ночи входят в полную свою силу.

На меня, как и на множество других людей, неизъяснимое их очарование всегда оказывало свое действие. Этот странный ровный свет, стекающий одновременно со всех сторон небосвода и потому не дающий теней, лишает сна, томит, тянет из дому, и невольно идешь куда-либо на простор: на широкую площадь или к Неве, откуда северная часть неба, где происходит самое главное, видна вся разом.

Там две зари, рожденные одним и тем же светилом, которое только что зашло и вот-вот взойдет, мягко теснят друг друга своими отсветами, отблесками, заревами. Медленно, чуть заметно для глаза, как бы переливая нежные тона из одного в другой и сгущая их на перистых или невесомо-пушистых облачках, на краю неба плавно меняются местами все присущие закату и восходу краски... Да нет — не краски, а зыбкие, смягченные отражения их в каком-то тусклом, помутневшем с веками зеркале: так легки и воздушны, так неизобразимы ни кистью, ни словом эти зеленоватые, дымчато-голубые и розовеющие, бледно-лазоревые, сиреневые тона. Кажется, что смешение их и составляет тот сияющий сумрак белой невской ночи, что наполняет весь воздух над водой и над землей ровным и мягким своим светом — спокойным, как бы приостановившимся, словно задумавшееся время. И в удивительном этом освещении красавец город и достойная его подруга — река приобретают то полное совершенство, которое определяет собою понятие истинно прекрасного и заставляет сердце сжиматься от восторга.

В последний раз мне пришлось наслаждаться всем этим задолго до войны. Если же добавить, что ранние мои годы связаны с Ленинградом, волнение, с каким по вечерам я выходил на свидание с белой ночью и с городом, станет понятным.

Не чувствуя усталости, я повторял один за другим пешеходные маршруты своей юности и молодости:

— малолюдные двадцатые линии Васильевского острова, привычно дремлющие под гул и грохот бессонного судостроительного завода;

— Кировский проспект, безупречно прямой, как след стрелы, которая, сорвавшись с тугой излучины Невы и пробив каменные громады Петроградской стороны, исчезла в таинственных рощах островов;

— плавные извилины Мойки, Фонтанки, каналов с их двумястами мостов — тех круто-горбых пешеходных, каких охраняют львы и грифоны, и других, широких и плоских, которые незаметно несут на себе проспекты и целые площади;

— краснокирпичные кварталы трудолюбивой Выборгской стороны, на чьих улицах тебя даже ночью обдает или деловитым запахом мятого пара и горячей окалины или беспечным ароматом тягучей массы, остывающей за окнами карамельного цеха;

— тихие, по-уездному поросшие травой берега Карповки, где роскошная, буйная зелень деревьев Ботанического сада молчаливо склоняет пышные ветви над останками лесных собратьев, покоящихся в своих бедных усыпальницах — пузатых дровяных баржах, пахнущих умирающей смолой и сырыми опилками;

— набережная... набережная... набережная — единственные во всем мире четыре километра воды, гранита и дворцов, отражающих высокими зеркалами овальных вверху окон все полутона белой ночи, в воздушном свете которой безмолвные влюбленные пары медленно проходят мимо неподвижных рыболовов или так же молча сидят на каменных скамьях возле ступеней, сбегающих к воде;

— и, наконец, тот пустынный, почему-то малопосещаемый уголок Мойки против Новой Голландии, где в сплошной зеленой стене вековых тополей и лип, закрывающей склады порта, великолепная арка Деламота распахивает гигантскую дверь в светлый простор неба и воды, соединенных волшебством белой невской ночи.

Жадность к прошлому гоняла меня по великому городу из конца в конец. Порой мне доводилось лишь постоять возле воды, там, где три десятка лет назад корабли, на которых я начинал свою флотскую службу, зимовали в Неве или ремонтировались на заводе. Теперь они лежали на дне Финского залива, честно выполнив воинский долг, или отдали отслуживший свой металл новым кораблям и орудиям. И, всматриваясь в противоположный берег, который когда-то был привычно округлен рамкой иллюминатора, я мог только вспоминать исчезнувшие мои каюты.

С домами мне больше повезло: здесь я подымался по знакомым лестницам и, прислушиваясь к шуму незнакомой жизни за дверью, вглядывался в милые сердцу призраки, вызванные памятью из старых стен.

В те дни впервые, пожалуй, я понял на себе, что это за удивительная штука — человеческая память.

Было похоже, будто ей захотелось доказать всесильную свою власть над временем. По любому поводу она мгновенно вызывала во мне бурю воспоминаний. Право же, я начинал уставать: получалось так, будто в эти дни жизнь моя протекала в какой-то странной двойственности — в настоящем и в прошлом, с явным ущербом для настоящего. Решительно ни на чем нельзя было остановить взгляд, чтобы меня не отбросило на двадцать, тридцать, даже на сорок лет назад. Где-то в самых тайных, в самых окостенелых мозговых извилинах память ухитрялась отыскивать бог весть когда отложившиеся там впечатления, о существовании которых я сам уже не подозревал, и тут же придавать им жизненность почти реальную. Для этого ей порой достаточно было какого-нибудь незначительного, лишь нами двоими знаемого пустяка — выщербленной ступеньки, сохранившей в течение четверти века эту немудреную свою примету, или угольного дымка, пахнувшего вдруг на мост из поваленной трубы буксира.

И тут выяснилось, что сила памяти поразительна. Настигнутый воспоминанием, ты с ходу останавливаешься у решетки сада или у подъезда ничем не примечательного дома, глядя перед собой отсутствующим взглядом, а прохожие натыкаются на тебя, не подозревая, что ты уже не здесь; что события, казалось бы, навсегда забытые, оживают в тебе с силой чрезвычайной, что лица, давно исчезнувшие, встают перед твоими глазами, а в ушах звучат умолкшие много лет голоса. Несколько волшебных секунд ты живешь среди видений. Целый мир, давно переставший существовать, возникает перед тобой в подробностях мельчайших так полно, живо, зримо, что мог бы казаться самою жизнью, если бы...

Если бы не было кое-чего, перед чем бессильно могущество памяти, чего даже она не может воскресить в человеке.

Это его чувства.

Конечно же, и они сопровождают видения памяти, но лишь бледным отражением того, что когда-то владело человеком. Ты знаешь, что вот здесь тебя посетило счастье, тут ты переживал горе, там тобой владела любовь. Только ныне это не сама любовь. Не само счастье. Не обида. Не радость. Не опьянение успехом или горечь неудачи. Нет. Теперь это лишь с л о в а — условные обозначения всех этих человеческих чувств.

Как нельзя дважды окунуть руку в одну и ту же воду Невы, так нельзя пережить в воспоминании свои же собственные чувства. С какой бы жизнеподобной яркостью ни вставали перед человеком видения прошлого, он не может ощутить и тысячной доли того, что когда-то переживал сам, как не может быть сытым, обедая во сне.

И не потому ли всякое воспоминание — пусть даже о светлом и радостном — всегда бывает окрашено грустью? Видно, тут-то и ощущается человеком непобедимая власть времени, уносящего прошлое без возврата.

В ту июньскую ночь, о которой идет речь, моя очередная прогулка в молодость сама по себе началась как-то грустно. Днем я случайно увидел в кабинете начальника военно-морского госпиталя картину неизвестного мне художника. Называлась она просто: «Финский залив».

Плоская даль воды, освещенная серeньким деньком, передана была с правдивостью удивительной: в такие бессолнечные дни в пейзажах той части Финского залива, что зовется Маркизовой лужей (мелководной, почти пресной, усеянной мелями, которые лишают воду и настоящего морского цвета и настоящей морской силы), есть что-то невыразимо печальное, щемящее душу, что и было выражено неизвестным художником. На переднем плане был изображен худощавый старик во флотской шинели, видавшей виды,— отставной матрос, может быть, боцман. Один-одинешенек, опираясь на палку, он стоит на низком песчаном берегу возле самой воды. Лица старика почти не видно, но чувствуется, что он смотрит туда, где в пасмурной дымке едва приметен трехмачтовый пароходо-фрегат или крейсер конца прошлого века, уходящий в дальнее плавание.

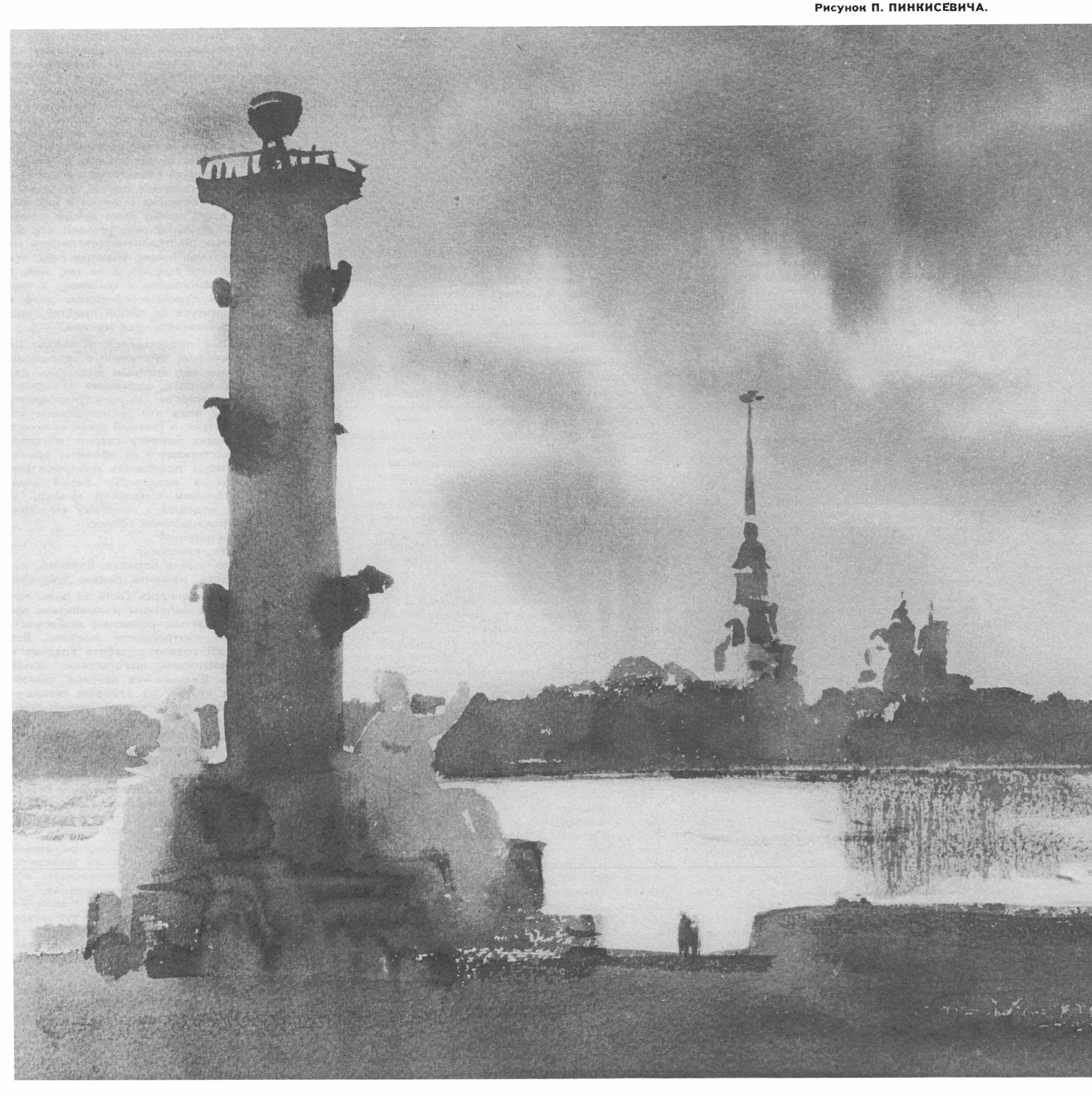
Вот и вся картина.

Однако настроение ее овладело мною с непонятной силой, и я никак не мог от него отделаться. Виденья ли юности, сознание ли надвигающейся (увы, всерьез!) старости, запах ли Невы — свежий, сырой запах речного предверия моря,— но что-то настроило меня на элегический лад, не слишком-то веселый. «И с

Глава из повести публиковалась в «Литературной России» № 1 за 1963 год.

ЛАЯ НОЧЬ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

отвращением читая жизнь мою» — жизнь, уже непоправимо прожитую, полную ошибок, которую, вероятно, можно было построить с гораздо большим смыслом и пользой, я в одиночестве шел вдоль Невы, преследуемый призраками прошлого и запоздалыми их укорами. Трость моя стучала по камням, подобно той, которая треть века тому назад умела высекать из плит этого же тротуара стихи, горячие и безудержные, как и всякие юные стихи. Теперь стук трости был иным — глухим и невыразительным; наверное, именно так могла бы стучать о звонкий камень плит палка отставного моряка с картины неизвестного художника.

Пожалуй, никто еще в литературе не объяснил толком, что такое тяга к морю. Не сумел это сделать и я, хотя всю жизнь пишу только о море, о флоте, о моряках. Но в ту белую ночь на берегу широкой реки, быстро бегущей в море, я вновь — и с какой-то острой болью, отчаянно и безнадежно — почувствовал в себе эту тягу, уже неосуществимую. И тут же с горечью подумал о том, что слишком долгие годы провел в разлуке с кораблем и что той живой связи, которая соединяет человека с морем, связи органической и незаметной, как дыхание, мне уже не восстановить.

Погруженный в эти невеселые мысли, я перешел Дворцовый мост и, очнувшись, застал себя возле Ростральной колонны на мысу, разделяющем водный поток на две Невы — Большую и Малую. Картина неизвестного художника иронически повторялась во всех своих подробностях: был берег у воды, был отставной моряк, была даже и палка, на которую он, глядя вдаль, опирался, была и его молчаливая тоска. Не хватало одного: уходящего в дальний вояж корабля.

Но оказался и он. Корабль этот стоял у стенки сразу за Биржевым мостом и сперва не был заметен. Впрочем, это не мудрено: за гранитным парапетом виднелся лишь корпус — без мачт, без надстроек, без труб, без шлюпбалок. Лишенный всего этого, корабль выглядел неестественно и жалко, как облысевшая женщина.

Но в печальном этом зрелище оказалось нечто, привлекшее мое внимание. Острый яхточный форштевень, изящным выгибом взлетающий из воды, кормовой подрез со старомодным балкончиком на нем, выступающие за фальшборт полукружия орудийных барбетов — все это, несомненно, было мне очень знакомо. Я готов был поручиться, что в свое время я не один поход и даже не два простоял на исчезнувшем мостике. Однако признать непонятный корабль и вспомнить его имя мне никак не удавалось. Дважды пройдя по набережной вдоль его борта и так ничего и не поняв, я обратился к человеку, сидевшему у широкой сходни, положенной на камни парапета, и спросил его, что это за корабль.

— Так разве ж это корабль? — сказал тот равнодушно. — Живорыбная база тут, вон и вывеска.

— А вы не слыхали, как он раньше назывался?

— Кто его знает. Утром зайдите — в конторе, может, и скажут.

Продолжать разговор было, по-видимому, бесполезно, и я медленно пошел через Биржевой мост, то и дело оглядываясь на странный корабль. Издали он еще более напоминал мне что-то хорошо знакомое. Но, как ни подхлестывал я память, на этот раз она решительно отказывалась восстановить исчезнувшее палубное убранство — то великолепное волшебство, которое любую плавучую коробку превращает в корабль и придает ему черты, отличающие его от другого. Порой мне казалось, что нужно еще одно пустячное усилие воображения — и над голой палубой возникнут высокие мачты с четким черным кружевом такелажа (почему-то было несомненным„ что корабль непременно должен был иметь парусное вооружение), а вокруг высокой дымовой трубы (притом обязательно одной!) встанут мостики, рубки, ростры, фигурные шлюпбалки с висящими на них шлюпками в белоснежных чехлах, а над фальшбортом протянется снежная полоса туго свернутых коек... Но тут же трезвая мысль — когда и как мог я плавать на таком старинном корабле? — заставляла это почти зримое видение исчезать, и я тщетно пытался найти хоть одну примету, благодаря которой я смог бы определить обстоятельства, при каких бывал на не существующем сейчас мостике.

Бесплодное это занятие начало уже меня раздражать: каждому отлично известно то беспокойное и томительное состояние, когда вы смотрите на стоящего перед вами человека, отчетливо зная, что он вам знаком, но никак не можете вспомнить, кто он такой и откуда вы его знаете. Но там хоть можно преодолеть неловкость и спросить его самого, а этот загадочный мой знакомец мог сказать лишь о беспощадной силе времени да, пожалуй, еще — о трагедии старости.

В самом деле, достаточно было взглянуть на благородные обводы его корпуса, созданные не для короткой толчеи Финского залива, а для могучей океанской волны, чтобы понять, что в свое время этот ж и в о р ы б н ы й с а д о к, лихо накренившись и втугую, до звона, обтянув весь свой бегучий и стоячий такелаж, удерживающий на ветру мачты, реи, стеньги, паруса, бежал где-нибудь в Атлантическом океане, распластывая крутовзъемным форштевнем соленую воду и легко подымаясь на образуемые ею горы. По всему было видно, что немало поплавал он перед тем, как срубили у него ненужные высокие мачты и заменили его старые орудия современными — не очень крупными, зато скорострельными. Возможно, именно в таком измененном виде я и встречал его лет двадцать пять—тридцать тому назад, никак не предполагая, что найду его в подобной должности, невероятной для военного корабля.

Странная и печальная участь старика невольно переплелась с недавними моими мыслями. Настроение от этого не стало лучше. Я ловил уже себя на том, что сопоставляю две судьбы: корабля и человека. Обе они казались удивительно схожими. Их соединяла одинаковая невозможность вернуться к морскому простору, к молодости, к неудержимому, страстному стремлению вперед, все вперед, сквозь шквалы и штормы, вперед из тихих гаваней, вперед на волну — пусть больно бьющую, но вздымающую. И в сумраке надвигающихся годов я уже видел себя самого таким же неподвижным кораблем, непригодным для плавания и потому превращенным в складское предприятие, приносящее пользу.

Унылая эта картина так на меня подействовала, что все живое во мне взвыло, возмутилось, восстало, требуя еще добавочной отсрочки, чтобы продолжать медленную мою работу, мучительную и благословенную. Но тут во мне возник совсем новый голос, которого я никогда еще в себе не слыхал: спокойный, ровный и какой-то неоспоримый. Он повторял настойчиво и слегка насмешливо: «А ты, брат, приучайся. Пора к такой ситуации привыкать, пора, годики все же немалые, сообрази...»

Все это, наверное, наделала белая ночь — волшебный путаник, смешивающий краски, года и события. Задумавшаяся, остановившаяся во времени, она томила видениями прошлого — невозвратимого и поэтому сурово требующего отчета. В колдовском ее очаровании все удивительным образом сливалось и путалось: река и море, прошлое и будущее... давнее и настоящее... старый корабль и я сам... неосуществленные мечты и заброшенные замыслы... Грозный счет остающихся годов, дней и часов вставал неотвязным воспоминанием. Нестерпимо горьким было позднее раскаяние: сколько же этих часов, дней и годов ушло на какой-то пустой вздор! Сгорело без золы. Истрачено без пользы. Исчезло без мысли и труда...

И во всей своей беспощадной значимости встала передо мной непонятная до того цена времени — цена утраченного времени.

Впрочем, что же об этом говорить? Для тех, кто, подобно мне, ощущает, что жизнь уже прошла, такое предупреждение совершенно бесполезно. Юность его не поймет. Молодость ему не поверит. Что же касается самонадеянной зрелости, то она весьма толково пояснит, что к чему: тут, мол, все сильно преувеличено—не таким уж пустоцветом прожил ты жизнь, и в этаком самобичевании есть некоторое кокетство, а у тебя впереди еще несколько лет, которым опыт и умение придают севастопольский счет — месяц за год, и поэтому при внутренней дисциплинированности и соблюдении правильного режима ты отлично успеешь выполнить все, что задумал.

Конечно, такие рассудительные и уравновешенные слова я мог сказать себе и сам. Но тогда, в эту белую ночь, на деревянном мосту, под которым пробегали светло-жемчужные струи, обтекающие огорчивший меня корабль, я не искал их и не хотел. Каким-то особым, самосохранительным чувством я угадывал, что такая ночь — ночь раскаяния и страха перед надвигающимся вечным бездельем — настигает человека редко, хотя она и важна для него чрезвычайно: ведь надо же ему когда-нибудь хоть на миг приостановиться в безумно быстром беге существования на безумно быстро вертящейся планете, не считающейся с веками, и попытаться понять, что же он в конце концов совершил в жизни и как ему дальше себя вести, чтобы было лучше и себе и другим? Но так уж человек устроен, что подобные вопросы он предпочитает решать не сейчас, а как-нибудь потом, убеждая себя, что о них надо думать всерьез, а не так, мол, с ходу. То же происходило и со мной: я уже тяготился таким суровым оборотом дела и был готов ухватиться за любой предлог, чтобы переменить наконец род мыслей.

Случай тут же представился: у въезда на мост стоял одинокий «Москвич» с задранным к небу капотом, под которым виднелись две ноги в белых брюках, застывшие в выразительной неподвижности. По международному автомобильному коду это расшифровывается как сигнал бедствия, а главный закон великого Братства Крутящих Баранку гласит: «Остановись возле бедствующего на обочине: помни, что и сам можешь проклинать мчащихся мимо». Беспокойное колдовство белой ночи вместе с ее тяжкими вопросами исчезло. Я ускорил шаги, подошел к голубому «Москвичу» и задал традиционный вопрос:

— Искра или питание?

Из-под капота донеслось:

— Благодарю, уже в порядке. Впрочем, если не торопитесь, нажмите педаль стартера.

Для этого мне пришлось сесть за руль. Нажимая педаль по коротким и вежливым командам, я с понятным ревнивым любопытством оглядывал внутренность машины. Все здесь свидетельствовало о заботе хозяина и отличалось некоторым щегольством, почти кокетливостью. Сиденья — в цветных тонких, но практичных чехлах, на лобовом стекле — резиновая цветочница с веткой сирени, зеркальце над рулем — явно с «мерседеса», рукоятка рычага скоростей заменена яшмовым полированным шариком, на дверцах — матерчатые карманы, откуда торчат журналы. Рядом со мной лежали и книги — покосившись, я прочел на двух корешках: «Садоводство» и «Борьба с огородными вредителями». Под книгами виднелась толстая тетрадка нот — бесселевское издание бетховенских сонат.

Посматривая на аккуратно подстриженный, седеющий затылок хозяина и на шелковую бледно-зеленую рубашку, обтягивающую его сухую и крепкую спину,— единственное, что мне было видно сквозь лобовое стекло,— я пытался угадать, кто он такой. Но тут мотор неожиданно взревел, зачихал, поплевался и потом успокоенно заурчал на малых оборотах. Хозяин машины захлопнул капот и наконец повернулся ко мне лицом.

И тут в глаза мне плеснула война — ее последние дни. Во владельце «Москвича» я узнал инженер-капитана второго ранга Клинина, флагманского механика речной флотилии, форсировавшей Шпрее в конце апреля 1945 года,— советского офицера, понявшего, что такое цена времени.

Т. Тагиев (Баку).

ДОЧЬ АФРИКИ.

Выставка произведений художников Грузии, Армении и Азербайджана

А. Казанский (Улан-Удэ). ДУСЯ.

Выставка произведений художников Урала, Сибири и Дальнего Востока

Л. Бродская (Москва). МАРТ.

Выставка произведений членов Академии художеств СССР

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬОН

Х. Л. ЛОУРЕНС

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

8

Полная, темноволосая перуанка принесла Риду обед, пачку английских сигарет и чашку кофе. При слабом свете свечи Рид не мог рассмотреть, что за еду поставила перед ним девушка, но на вкус определил, что блюдо было мясное. Потом он занялся фруктами. Утолив голод, Рид почувствовал себя несколько лучше, закурил и принялся размышлять. Ему осточертел Хосе с его махинациями, больше он не испытывал ни малейшего желания быть лишь «темой» для сенсационной газетной статьи. Нет, надо бежать и добраться до английского посольства.

Но как?

Наброситься на девушку, когда та придет убрать посуду? Или...

Он попытался припомнить все истории о побегах из заключения, все, что слышал или читал об этом, и пришел к выводу, что беглецам часто помогал счастливый случай.

Рид взял свечу и обследовал тоннель, но не обнаружил ничего такого, что могло бы ему помочь или натолкнуть на какую-то мысль, и, усталый и раздраженный, побрел к своей соломенной постели. Ему уже стало казаться, что он никогда не сможет вернуться к прежней, такой интересной и налаженной жизни. Он стал пешкой в темной, непонятной игре каких-то неведомых ему сил... Надо что-то предпринимать, но что? Здесь его навещает только Хосе. Хотя... А девушка? Почему бы не попытаться...

В тоннеле замерцал приближающийся огонек свечи, и вскоре в пещеру вошла девушка. Она улыбалась, показывая красивые, ровные зубы.

— Вы поели, сеньор?

— Да, спасибо.

Она собрала посуду, но уходить не спешила.

— Сеньор хорошо поел?

— Да.

— Сеньору, вероятно, скучно?

— Нет, мне не скучно.

— Сеньор Хосе еще не скоро вернется.

— Я знаю.

— Если сеньор пожелает, я могу пока побыть здесь, поболтать с ним. Сеньор выглядит таким одиноким и несчастным.

Рид долго смотрел на девушку.

— Послушай,— заговорил он после паузы.— Мне надо уйти отсюда. Могу я рассчитывать на твою помощь?

— Почему уйти?

— Я не могу здесь оставаться.

— Но сеньор Хосе считает, что только здесь вам ничего не грозит.

— К дьяволу твоего Хосе! Я пойду в английское посольство, а дальше увидим.

Девушка покачала головой.

— Сеньор Хосе — умный человек, и если бы он считал, что вам действительно будет лучше в вашем посольстве, ему бы ничего не стоило самому отвести вас туда.

— Возможно. А возможно, и нет.

— И потом, мне ведь здорово попадет, когда вернется Хосе и не застанет вас тут.

— Знаю и потому не хочу тебя подводить.— Рид на минуту задумался.— Вот как мы сделаем. Когда ты будешь проходить по основному тоннелю, который ведет к выходу, наклоняй свечу в тех местах, где от него ответвляются другие тоннели.

— Мне надо только наклонять свечу?

— Только.

Девушка помолчала.

— Что ж, с каждым может произойти неприятность. Кто знает, не случится ли и со мной что-нибудь похожее. А теперь мне надо идти. Возможно, мы еще встретимся.

— Все возможно в жизни... Да, постой! Если я выберусь отсюда, как мне найти английское посольство?

— Английское посольство? Не знаю, сеньор. Я не имею дел с посольствами.

— Но...

— Вы можете спросить у кого-нибудь, как только выберетесь отсюда.

— Рискованно.

— Почему? Разве вы преступник?

— Нет, но...

— Вот и спрашивайте, как честный человек.

— Придется.

Девушка уже повернулась, чтобы уйти, но Рид снова окликнул ее:

— Сеньорита!

— Да?

— Как тебя зовут? Я еще не знаю твоего имени.

— Зачем оно вам? Иногда это бывает опасно.— Чуть помедлив, она добавила:— Мария. Меня зовут Марией. Это не настоящее имя, но все знают меня как Марию... До свиданья, сеньор.

Мария ушла, прежде чем Рид успел что-нибудь сказать. Он зажег свечу, углубился в тоннель и вскоре подошел к первому ответвлению. Наклонившись почти к самому полу, он увидел пятно стеарина, на некотором расстоянии еще одно, потом еще и еще. Минут через пять перед ним открылся выход из тоннеля, освещенный слабым светом луны. Рид потушил свечу и крадучись направился на этот свет. Уже в самую последнюю минуту он обнаружил, что возможность его бегства не исключалась: у выхода стоял и курил какой-то человек. Но теперь ничто не заставило бы Рида отступить. Выждав, когда неизвестный повернулся к нему спиной, Рид бесшумно подкрался и с силой ударил его кулаком по голове...

Вдали виднелось зарево огней Лимы. Рид благополучно миновал трущобы, расположенные в этом районе города, и примерно через час уже стоял на Хирон де ла Юнион и бодро махал рукой водителю попутного грузовика, который подвез его сюда. Отряхнув пыль и кое-как приведя себя в порядок, он вспомнил совет Марии, расспросил нескольких прохожих и в конце концов оказался перед дверью британского посольства. Он назвал себя швейцару и стал ждать. Вскоре швейцар вернулся, провел Рида к одному из кабинетов и, открыв дверь, доложил:

— Мистер Рид, сэр.

Навстречу Риду поднялся красивый, безупречно одетый молодой человек и протянул ему руку. Рида поразило, что он нисколько не удивился, увидев грязного и небритого, в рваном костюме посетителя.

— Мистер... Рид?

— Да.

— Прошу садиться, мистер Рид. Моя фамилия Росс-Брук. Чем могу служить?

— Я британский подданный.

— Естественно.

— Мне нужна ваша помощь.

— Для того мы здесь и находимся.— Внезапно на выхоленном лице молодого человека появилось выражение озабоченности.— Ах да, мистер Рид! Чуть не забыл, у меня же есть особые указания относительно вас. Господина посла, к сожалению, нет, он в отпуске, но вас очень хотел повидать мистер Джилингхем. Разумеется, сейчас его на службе нет — слишком поздно, но я отправлю вас к нему на посольской машине. Он живет недалеко, на Мирафлорес.

— Но почему я должен куда-то ехать из посольства?— с внезапно возникшим подозрением спросил Рид.

Молодой человек улыбнулся.

— По совести говоря, мистер Рид, я и сам не знаю, а задавать вопросы лицам более высокого положения у нас не принято. Я получил распоряжение от мистера Джилингхема и обязан его выполнить.— Он с глубокомысленным видом взглянул на Рида и, заметив выражение озабоченности на его лице, добавил:— Да вы не беспокойтесь, Джилингхем — порядочный человек. Очевидно, вы такая важная персона, что...

— Да,— иронически подтвердил Рид,— с некоторых пор я действительно стал важной персоной.

Он все еще колебался. Не хотят ли его заманить в ловушку? «Санта-Роза» тоже находилась на Мирафлорес. Однако, взглянув на Росс-Брука, Рид несколько успокоился. Несомненно, такой респектабельный джентльмен не мог иметь ничего общего с подозрительной частной больницей, да и вообще любой британский дипломат, как и жена Цезаря, должен быть вне подозрений.

— И вот еще что,— продолжал Росс-Брук.— Мы все время надеялись, что вам тоже удалось уцелеть при катастрофе и что рано или поздно вы заглянете к нам. Так вот, меня обязали держать ваш приход в строжайшем секрете, во всяком случае, до вашей встречи с Джилингхемом. Понимаете, правительства некоторых стран, где нам приходится работать, слишком щепетильны во всем, что касается их деятельности. Джилингхема, вероятно, интересует, что вы намерены сообщить в своих показаниях, когда начнется расследование причин

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5—9.

катастрофы. Скажите, катастрофа и все такое, наверно, было ужасно интересно, а?

— Ужасно.

— Вам, должно быть, многое пришлось пережить в джунглях? Я тоже побывал там... однажды. Очень уж жарко!

— Жарко.

— Послушайте, вы, наверно, устали? — спохватился Росс-Брук. — Не понимаю, почему никто не позаботился, чтобы вы приняли ванну и побрились, прежде чем тащить вас сюда... Простите, я вовсе не хотел вас обидеть.

— А я и не обижаюсь.

— Вот и прекрасно. Хотите чашку чая, пока подают машину?

— С удовольствием, — улыбнулся Рид.

— Чай — это нечто бесподобное. Кофе здесь только пахнет хорошо, а вкус... брр! Лично я никогда не откажусь от чашки доброго английского чая... Сейчас я распоряжусь.

Минут двадцать спустя, окончательно отбросив всякие сомнения, Рид уже покачивался в роскошном «роллс-ройсе». Машина остановилась у большого особняка, и вскоре Рид стоял перед высоким румяным человеком, который вышел из-за письменного стола и протянул ему руку.

— Здравствуйте, мистер Рид. Моя фамилия Джилингхем.

— Извините, что я в таком виде, но мне пришлось...

— Присаживайтесь, мистер Рид, — прервал Джилингхем, направляясь к своему столу. Он пододвинул Риду графин с вином и сигареты. — Прошу.

Рид отказался от вина, но сигарету закурил.

— Ну, а теперь, мистер Рид, — снова заговорил Джилингхем, — надо прежде всего соблюсти некоторые формальности.

— Формальности?

— Да. Мы ведь от них тоже не избавлены. Во-первых, нам необходимо установить вашу личность. У вас, конечно, есть паспорт?

— Нет.

— Нет?

— Мой паспорт остался в самолете... Вернее, среди его обломков там, в джунглях.

— В самолете?

— Да, да! — нетерпеливо подтвердил Рид. — Я же был одним из пассажиров самолета, вылетевшего из Лимы и потерпевшего катастрофу в джунглях.

Джилингхем закурил сигару и бросил на Рида быстрый взгляд.

— Неладно получается, — заметил он.

— Неладно?! — Рид с трудом сдерживал себя, и это не укрылось от Джилингхема.

— Но вы не расстраивайтесь, мистер Рид. Видите ли... — Он выдвинул один из ящиков стола, порылся в нем и достал какую-то бумагу. — Ваша фамилия у нас, конечно, значится: мистер Рид, геолог, паспорт номер КХ 1497/63, зарегистрирован у нас своевременно. Однако, насколько нам известно, при катастрофе спасся только один пассажир, некий мистер Каппелман, отнюдь не британский подданный.

— Черт побери, но я и есть Каппелман!

— Вы?!

— Вернее, я и есть тот единственный пассажир, который уцелел, но все приняли меня за Каппелмана. Вы понимаете, при катастрофе Каппелману удалось сохранить портфель и паспорт, а когда его убили, я взял все это с собой. В Лиму меня привезли без сознания, очнулся я уже в «Санта-Розе», где все приняли меня за Каппелмана.

— Гм... Странная история, мистер Рид... По правде говоря, мы еще не знаем, что вы и есть мистер Рид. Да, да, мне сообщили, что Каппелман — немец. Вас, конечно, за немца никто не примет, но это еще ни о чем не говорит. Давайте, давайте, мистер Рид! Моя обязанность — оказывать всяческую помощь британским подданным, но вы не должны скрывать правду.

Рид слушал дипломата со все возрастающим удивлением.

— Это что еще за комедия?

— Комедия?

— Вот именно. Я Рид и могу легко это доказать. Я работаю в фирме «Консолидэйтед минералс лимитед», там есть моя фотокарточка и все мои приметы. Фирма в любое время представит вам необходимые доказательства.

— Прошу вас, мистер Рид, не нужно волноваться. Вы утверждаете, что вы Рид. Прекрасно. Но почему вы не явились к нам сразу же, как только к вам вернулось сознание?

— Потому что я был в «Санта-Розе».

— Разве там нет телефона?

— Там все принимали меня за Каппелмана.

— Ну и что? Предположим, там все принимали вас за Каппелмана. Но вот сейчас-то вы все же явились к нам!

— Да, но... — начал было Рид, однако тут же представил, какой нелепой и неправдоподобной покажется его история этому самодовольному и сытому чинуше, и решил не продолжать. — Впрочем, неважно. Не будем к этому возвращаться. Лучше спрашивайте о том, как можно подтвердить, что я Рид. Это позволит мне выехать из Перу и вернуться к своей работе.

— Без паспорта, мистер Рид?

— Надеюсь, мне выдадут новый.

— Не так-то это просто.

— Но я же не терял паспорт, он сгорел вместе с чемоданом при катастрофе.

— Так утверждаете вы, — улыбнулся Джилингхем. — Но чтобы доказать это (а нам необходимы доказательства), потребуется некоторое время.

— Я не располагаю лишним временем, я хочу уехать из Перу теперь же.

— Невозможно, абсолютно невозможно. Но... — он жестом попросил Рида не прерывать его, — но мне кажется, мы сможем помочь вам, поскольку я склонен думать, что вы говорите правду.

— Спасибо, — иронически улыбнулся Рид.

— А пока я буду наводить справки — ну, скажем, через официальные каналы, — вы поживете в Лиме. Позвольте в частном порядке порекомендовать какое-нибудь спокойное

место, где никто не будет задавать вам неприятных вопросов о паспорте и прочем. У вас есть что-нибудь на примете?

Рид отрицательно покачал головой.

— Нет? Понимаю, вы же здесь новый человек. Ну что ж, возможно, мы вам что-нибудь посоветуем. Но сначала, мистер Рид,— прошу извинить за откровенность — должен сказать, что выглядите вы, как бездомный бродяга. Надеюсь, вы не откажетесь принять ванну, побриться и воспользоваться моим костюмом, пока приводят в порядок ваши вещи. Ну и, наконец, чего-нибудь перекусить, хотя я не могу составить вам компанию.

— Я даже не надеялся...— удивленно заговорил Рид, но Джилингхем опять прервал его:

— Не беспокойтесь, мистер Рид. Я все устрою.— Он нажал кнопку звонка, и хотя на губах у него играла улыбка, выражение глаз оставалось холодным. На пороге появился слуга.— Проведите мистера Рида наверх,— распорядился Джилингхем.— Мы еще встретимся позже, мистер Рид.

— Благодарю,— ответил Рид, направляясь за слугой. «Тут что-то не так,— подумал он,— но что именно?..»

9

После ванны и бритья Рид облачился в позаимствованный у Джилингхема костюм и снова почувствовал себя тем человеком, который совсем недавно так спокойно вошел в самолет в аэропорту Лимы. Только фотография Розеллы напоминала ему о катастрофе и о скитаниях в джунглях. Вот и на этот раз он достал снимок из бумажника и долго всматривался в юное очаровательное личико. Он и сам не мог бы сказать, когда возникло и окрепло в нем это глубокое и сильное чувство к девушке, которую, в сущности, он знал так мало. Рид понимал, что уже никогда не встретит ее, но уничтожить снимок у него не хватало решимости. «Ну не болван ли я!— корил он себя.— На что я надеюсь? Она и внимания на меня не обращала!..» И тем не менее желание вновь увидеть Розеллу не покидало его.

Рид спрятал снимок в бумажник и положил его во внутренний карман пиджака. В дверь постучали, и в комнату вошел слуга.

— Вы готовы, сэр?

— Готов.

Слуга привел его в большую, богато обставленную столовую и ушел. Рид сразу заметил, что стол накрыт на двоих. Не успел он обдумать это обстоятельство, как дверь открылась.

— Здравствуйте, мистер Рид. Разрешите представиться: я Корт. Мы с вами не встречались, хотя я разговаривал с вашим другом мистером Ратманом.

— Корт?— поразился Рид, не сводя с него глаз.— Но...

— Мне понятно ваше огорчение, мистер Рид,— улыбнулся Корт.— Придется вам извинить меня.

— Что вы здесь делаете?

— Я британский подданный.

Рид смутился. Ему вдруг захотелось крикнуть: «Но вы же связаны с Каппелманом!»,— однако в последнее мгновение он сообразил, что поступил бы глупо. «В конце концов,— подумал Рид,— я ничего не знаю о Корте. Ратман утверждает, что он мерзавец, но, возможно, его неправильно информировали. Не исключено, что Корт — обыкновенный английский бизнесмен».

— Здравствуйте,— поздоровался он.

— Надеюсь, вы чувствуете себя вполне нормально?— несколько насмешливо, как показалось Риду, осведомился Корт.

— Не могу пожаловаться.

— Вот уж поистине удивительно. Я полагал, что после вынужденного затворничества в квартире Ратмана и пребывания в этой вонючей дыре нашего общего друга Хосе вам будет по меньшей мере не по себе. Должен сказать, ваш выбор друзей меня не восхищает.

— Ну, знаете, Корт...

— Спокойно, спокойно, мистер Рид! Я предлагаю вначале поесть. Я бросил прекрасный обед, как только Джилингхем сообщил мне, что вы явились к нему. Давайте продолжим трапезу здесь, тем более что у Джилингхема замечательный повар.

— Убирайтесь ко всем чертям!

— Боже, какая невоспитанность! Пожалуйста, присядьте, мистер Рид. Обед сейчас подадут. За вкусной едой, надеюсь, наша беседа приобретет более культурный характер. Кстати, вот этой самой культуры и недостает нашему общему американскому другу Ратману.

— Ратману? Почему?

— Потому, что он осмелился направить на меня пистолет, разумеется, заряженный.

— Ничего не понимаю.

— Никто не понимает. Но, пожалуйста, садитесь.

Обед прошел в молчании. После обеда, когда оба закурили, Корт сказал:

— А теперь, мистер Рид, вы, очевидно, ожидаете, что мы должны объяснить вам кое-что?

Рид кивнул:

— Да, я хочу знать, почему мною распоряжаются все кому не лень.

— Ну, в какой-то мере вы сами виноваты. Зачем надо было уходить из «Санта-Розы»? Если бы вы не бежали оттуда, сейчас, вероятно, уже находились бы на пути в Англию или, по желанию, в любое другое место. Почему вы решили скрыться из больницы?

— И сам не знаю,— совершенно искренне ответил Рид.— Я почувствовал какое-то замешательство, неуверенность. Мне показалось, что сиделка намерена обвинить меня в убийстве стюардессы.

— Можете не беспокоиться,— заметил Корт.— Сиделка — глупая, истеричная женщина, ей не место в «Санта-Розе».

— Хосе предложил переправить меня к Ратману. Терять было нечего, и я согласился, тем более что, по его словам, утром я мог, если бы захотел, вернуться в «Санта-Розу». Однако за мной кинулись в погоню, и Ратман посоветовал мне укрыться у него.

— Ратман — газетчик, а американских газетчиков люди интересуют постольку, поскольку из них можно выжать какие-нибудь сенсационные новости. Вы вели себя глупо, мистер Рид.

— Возможно.

— Ну, а портфель? Вы видели, что находится в портфеле?

— Да.

— А ваш друг Ратман?

— Тоже.

— И что же вы поняли?

«Ого!— мысленно воскликнул Рид.— Надо держать ухо востро!..»

— Не беспокойтесь, мистер Рид,— усмехнулся Корт, заметив его колебания.— Я и без вас могу сказать, что именно вы нашли в портфеле. Документы с фамилиями?

— Да.

— Медальон?

— Да.

— Пачку туристских чеков?

— Да.

— Таким образом, за исключением медальона, ничего ценного. Да и медальон, хотя и золотой, особой ценности не имеет. Однако, мистер Рид, содержимое портфеля представляет большой интерес для меня лично. Я готов хорошо заплатить, если вы вернете мне все, что там было. Полагаю, вы человек небогатый, мистер Рид, а?

— Я получаю жалованье.

— П о л у ч а л и, мистер Рид. Для всех вы погибли в катастрофе, спасся только Каппелман, как вы помните.

— Еще бы не помнить!

— Ну, скажем, двести пятьдесят тысяч солей. На эти деньги, мистер Рид, вы можете жить припеваючи. Начать свое дело, скажем, в Перу, в Эквадоре, в Бразилии, в Аргентине — да в любом месте! Со своей стороны, я мог бы время от времени подыскивать вам выгодные контракты.

— Но я не собираюсь оставаться в Латинской Америке!— возмутился Рид.

— Да?

— Да, черт возьми! Я англичанин и хочу жить в Англии.

— И жениться на какой-нибудь милой английской девице? Похвально, весьма похвально, мистер Рид. Но, увы, невозможно.

— Что вы сказали?

— Невозможно, говорю, мистер Рид. Слишком много вы видели. Правда, вы не поняли того, что видели, но я не могу идти даже на ничтожный риск. Вам придется остаться мертвым, мистер Рид. У вас нет паспорта...

— Нет паспорта? Неприятно, конечно, но не больше. Мне будет несложно доказать, что я Рид. Вы не ошиблись, я располагаю кое-какой информацией, но как я ее использую и когда — позвольте мне знать.

— Вы очень молоды и очень наивны, мистер Рид,— улыбнулся Корт.— Вы типичный англичанин, который, видимо, до сих пор считает, что коль скоро он голосует на выборах, следовательно, управляет страной.

— Правильно, считаю. Так же, как еще пятьдесят миллионов англичан.

С лица Корта исчезла улыбка.

— Не будем пережевывать эти побасенки для простаков, мистер Рид. Можете тешить себя мыслью, что вы избираете свое правительство, но это всего лишь фикция, поскольку вашим правительством управляют определенные силы, о которых вы ровным счетом ничего не знаете. Не стану скрывать, мистер Рид, к этим силам принадлежу и я, к ним принадлежал и Каппелман. Таких, как мы, сотни в каждой стране западного мира — американцев, западных немцев, англичан, греков... Именно мы держим в руках рычаги и пружины, двигающие так называемыми демократическими правительствами, диктатурами, хунтами, которые управляют народами — или с мнимого их согласия, или силой оружия.— Помолчав, Корт продолжал:— Вас, пожалуй, удивит моя лекция и моя откровенность, но это уже не имеет значения. Вы упрямый и невежественный человек, и потому ваша осведомленность теперь не представляет для нас опасности.

— Что за вздор вы несете?

— Нет, мистер Рид. Я говорю резонно. Вот вы познакомились с мистером Джилингхемом. Милейший человек, не правда ли?

— Ну и что?

— А ведь он всего лишь «вывеска» и сделает все, что я прикажу. А прикажу я ему... ликвидировать вас, мистер Рид.

— Чушь!

— Скоро вы убедитесь... А теперь к делу. Мне нужен портфель.

— У меня его нет.

— Знаю, он у Ратмана. В ящике его письменного стола. Во всяком случае, был там, когда я разговаривал с журналистом.

— Портфель в руках Ратмана, я у вас в руках... Что это вам дает?

— Портфель. Послушайте, мистер Рид, я уже предлагал вам деньги, и немалые. Вы получите их, как только отдадите мне портфель. Вы уйдете отсюда богачом, я подыщу вам хорошую работу. Но если вы откажетесь, мне придется силой заставить Ратмана расстаться с портфелем. Попросите нашего общего друга не сопротивляться: для вас же будет лучше.

— Ратман не согласится.

— Что вы, мистер Рид! Надеюсь, вы не забыли, что он иностранец в этой стране. Если соответствующие власти прикажут ему вернуть портфель законному владельцу, то есть мистеру Каппелману, иными словами, вам, мистер Рид, ему придется подчиниться, иначе он окажется в тюрьме и будет выслан из страны, а портфель все равно окажется у нас.

— Предположим, он спрятал его где-то.

— Он скажет нам где.

— Ратман упрям.

Корт улыбнулся.

— Святая инквизиция закончила здесь свою деятельность, но мы применяем куда более эффективные методы убеждения... Так вы поняли наконец, что...

— Я был бы круглым идиотом, мистер Корт, если бы поверил хотя бы одному вашему слову. Можете убираться ко всем чертям. Ратман в состоянии позаботиться о себе, а кроме того, мы с ним не одни.

— Да?— с насмешкой взглянул на него Корт.— Что ж, придется нам продолжить поиски. Коль скоро, мистер Рид, вы не хотите рассуждать здраво и отказываетесь помочь нам, я вынужден распрощаться с вами. Спасибо за компанию и за интересную информацию!

— За интересную информацию?

— Но вы же сообщили мне, что представления не имеете, какое значение имеют фамилии лиц, встречающиеся в бумагах Каппелмана.

Корт встал и направился к двери.

— Послушайте, Корт, вы забыли кое-что,— остановил его Рид.

— А именно?

— Нечто весьма важное — что не все люди подлецы и негодяи.

— Ну и что? Не понимаю.

— Вы и подобные вам никогда этого не поймут.

Корт постоял некоторое время, потом повернулся и вышел. Выждав минуту-другую, Рид подошел к двери и распахнул ее. Он не удивился, обнаружив, что его поджидают двое, и почти не сопротивлялся, когда они начали молча заламывать ему руки.

— Сеньор,— сказал Хосе,— я признаюсь, что поддался соблазну. Не могу же я все время быть безгрешным! Даже святые грешили, а я всего лишь простой смертный.

— Ты надул меня,— хмуро заявил Ратман.

— Нет, я действовал в ваших же интересах. Сеньор жил у вас, а я ваш друг, верно? Вот я и решил разделить с вами заботы о нем...

— И потому украл его?

— Он не пошел бы добровольно, а на уговоры у меня не оставалось времени. Я знал, что сеньор Корт все равно его увезет. Он был у вас?

— Был.

— И пытался заполучить портфель?

— Правильно.

— Вот видите, сеньор, если бы я не позаботился о вашем друге, разве сеньор Корт не пригрозил бы вам, что это вы несете ответственность за похищение сеньора Рида из «Санта-Розы»?

— Знаешь, Хосе, не будем больше об этом,— проворчал Ратман.— Я согласен забыть, что ты обманул меня, если ты откажешься от попытки заключить сделку с Кортом.

— Заключить сделку с Кортом?— с отвращением воскликнул Хосе.— С этой свиньей?! Да теперь у меня только одно желание: чтобы он сгнил где-нибудь в самой вонючей сточной канаве!

— Мило, очень мило... Но где все-таки Рид?

— В пещерах.

— Жив и невредим?

— Жив, невредим, сыт, окружен женщинами... В общем, со всеми удобствами.

— Как в гостинице «Риц».

— Что вы сказали?

— Неважно. Пошли.

— Куда?

— За Ридом.

— Я сам доставлю его вам.

— Я пойду с тобой.

Хосе пожал плечами:

— Как хотите. Но прогулка будет не такая уж приятная.

— Ничего, не умру.

— Вы не доверяете мне, сеньор?— с обиженным видом спросил Хосе.

— Нет, не доверяю.

— Ну и ладно.— Хосе подозвал официанта и что-то тихо сказал ему, потом снова повернулся к Ратману:— «Бьюик» подойдет через несколько минут.

— Скажи, Хосе, что ты знаешь о сеньоре Корте?

— Ничего. Мне было сказано лишь, что ему нужен Рид. Мне было сказано, но слишком поздно, что ему нужен также и портфель.

— Иначе говоря, твои люди, если бы знали, захватили бы вместе с Ридом и портфель, чтобы избавить меня от забот еще и о нем?

Хосе вздохнул так, что с кончика его сигареты посыпались искры.

— Сеньор, но я же сказал, что сожалею... Сеньор Корт обманул меня. Теперь я буду работать только на вас.

— Да? Будем считать, что порядочность — твоя вторая натура... А вот и то, что ты называешь «бьюиком». Поехали.

Недалеко от входа в пещеры к Хосе подбежал какой-то человек. После непродолжительного разговора креол повернулся к Ратману и развел руками.

— Сеньор Рид исчез,— удрученно сказал он.

— Исчез?!

— Я поставил сторожа, но его кто-то оглушил. Сеньора Рида здесь больше нет. Может, моя девушка что-нибудь знает. Пойдемте.

Вполголоса ругнувшись, Ратман вслед за Хосе вошел в одну из лачуг, тускло освещенную чадившей керосиновой лампой.

— Мария!— крикнул Хосе.

Из темноты появилась девушка.

— Да?

— Сеньор Рид?

— Он ушел.

— Знаю.

— Я накормила его.

— Он сказал что-нибудь?

— Нет.

— Ты ему помогла?

— Что вы!

— Если мы не найдем его, сеньорита,— обратился к ней Ратман,— он может погибнуть. Сеньору Риду угрожает большая опасность.

— Я ничего не знаю,— ответила девушка, глядя то на Ратмана, то на Хосе.

— Она... она ничего не знает,— пожал плечами Хосе.— Да и почему она должна знать? Она женщина. Она покормила его, вот и все.

— Хорошо, хорошо,— нетерпеливо махнул рукой Ратман.— Что же дальше?

— Может, мне удастся разузнать что-нибудь в Лиме?

— В таком случае пошли, да поживее.

Ратман поблагодарил девушку и вышел из хижины вместе с Хосе. Оставив позади район трущоб, они зашагали быстрее, хотя их окружала глубокая темнота. Неожиданно кто-то схватил Ратмана за руку. Он остановился и обернулся, но человек уже растворился во мраке. Ратман ощутил в руке клочок бумаги.

— Минуточку, Хосе, зажги-ка спичку.

— Спичку?

— Да. Кто-то сунул мне записку.

При слабом, быстро гаснущем огоньке Ратман успел прочитать на клочке страницы из какого-то журнала две коряво написанные буквы: «БП».

— Что это значит, сеньор?— спросил Хосе.

— Ума не приложу.

Они молча подошли к ожидавшему их «бьюику». По пути в город Ратман долго не произносил ни слова, но вдруг оживился и даже щелкнул пальцами.

— «БП»! Это же «британское посольство»!— воскликнул он.— Хосе! Рид направился в британское посольство.

— Возможно. Он говорил мне, что хочет туда пойти.

— Ну, теперь дело за нами.

— За нами, сеньор? Но в британском посольстве он же в полной безопасности.

— Как сказать, Хосе, как сказать... Вот это мы и должны выяснить. Скажи водителю, пусть везет в посольство.

— Но уже поздно, сеньор.

— Неважно. Кое-кому там придется покинуть теплые постели, только и всего.

Ратман оставил Хосе в машине, быстро поднялся по ступеням крыльца и нажал кнопку звонка. Прошло немало времени, прежде чем дверь открылась и его впустили. Ратмана принял высокомерный молодой человек в смокинге.

— Извините за вторжение,— обратился к нему Ратман,— но я беспокоюсь о судьбе англичанина по фамилии Рид.

— Рид?

— Да. Он был здесь?

Молодой человек отрицательно покачал головой:

— Насколько мне известно, нет, мистер...

— Ратман. Я американец.

— По-моему, нет, мистер Ратман. Впрочем, подождите минуту, я проверю в канцелярии.

Молодой человек ушел, но вскоре вернулся.

— К сожалению, мистер Ратман, должен вас огорчить. Мистер Рид не только не появлялся в посольстве, но и вообще нам совершенно неизвестен.

— Но он был в Лиме!

— Постоянно проживал здесь?

— Нет, он был проездом.

— Вот видите. Следовательно, мы ничего не можем знать о нем.

— Но вы уверены, что он не был у вас... сегодня вечером?

На лице молодого человека появилось холодное выражение.

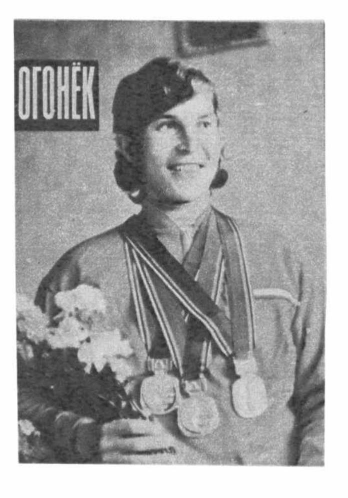
— У меня нет привычки лгать, мистер Ратман,— заявил он.— Спокойной ночи, сэр.— Он нажал кнопку звонка и вызвал слугу.— Джоунс, проводи этого джентльмена,— распорядился он, сделав ударение на слове «джентльмен».

«Самодовольный болван!»— подумал Ратман, направляясь к двери.

Продолжение следует.

Перевел с английского
Ан. ГОРСКИЙ.

ВСЕ З

Юрий ХРОМОВ

С лыжного стадиона Макоманаи зрители обычно расходились на удивление быстро. Огромные, неповоротливые автобусы и юркие легковые автомобили с разноцветными олимпийскими наклейками, в которых могли разобраться только полицейские-регулировщики, мгновенно высасывали многотысячную толпу. Но в день, когда Галина Кулакова завоевала свою первую золотую медаль, стадион еще долго не расходился, а журналисты, обычно стремящиеся как можно быстрее добраться до пресс-центра, плотным кольцом окружили домик, где скрылась олимпийская чемпионка, и не успокоились до тех пор, пока она не вышла на крыльцо. А потом Галю Кулакову повели на пресс-конференцию, и лишь час спустя нам удалось пробраться к ней в раздевалку, где она сидела со своим тренером Виктором Ивановым.

Мы предложили им место в нашей машине, но и на сей раз Гале не удалось сразу уехать. К ней подошло несколько женщин в голубых халатах — форме обслуживающего персонала — и с обычными

Цезарь СОЛОДАРЬ **БО**

ОЛОТО САППОРО

для японцев извиняющимися улыбками и поклонами, похожими на реверансы, попросили разрешения сфотографироваться вместе с ней. И Галина, хотя ей хотелось в этот момент лишь одного — утонуть в мягком сиденье автомобиля, тут же встала с ними рядом.

Наверное, Галина Кулакова вот так же просто и естественно держится в кругу своих односельчан, в родном Степанове, что находится в Удмуртии, за тысячи километров от острова Хоккайдо. Да, Галя Кулакова еще не так давно работала дояркой, была рядовой колхозной труженицей. Но ведь и лыжные гонщики — истинные труженики от спорта. Вовсе не случайно все наши чемпионы лыжни родились и провели детство в деревне, с малых лет привыкли к физическому труду. И не случайно обычный крестьянский труд является частью тренировочного процесса лыжников: летом они не только бегают кроссы и носятся на роликах, но и косят траву и колют дрова...

В 1964 году, за четыре года до зимних Олимпийских игр в Гренобле, среди лыжных чемпионов прошел слух о доярке из Удмуртии, которая не знает, что такое усталость. А история будущей олимпийской чемпионки началась с того, что она приехала в гости к своей сестре Лиде (у Гали шесть сестер и два брата) в Воткинск, и та уговорила ее — да простят сестер Кулаковых представители спортивной Фемиды! — на нехитрый подлог: выступить вместо нее на городских лыжных соревнованиях. Галя выступила и заняла второе место... Всего четыре года тренировок и выступлений потребовалось ей, чтобы, встретившись с сильнейшими гонщицами в Гренобле, завоевать серебряную медаль в гонке на 5 километров, причем эта медаль вполне могла оказаться и золотой. В борьбе с сильнейшей шведской гонщицей Тойни Густафссон Галина уже значительно опережала ее по графику, но упала за 200 метров до финиша.

Прошло еще два года, и на чемпионате мира в Высоких Татрах Галина Кулакова никому не уступила золотой медали в гонке на 5 километров и в Японию приехала уже знаменитой гонщицей, одной из главных фавориток. Однако по классификации предолимпийского года, составленной журналистами, Галина все же немного уступала финской лыжнице Марьятте Кайосмаа. Нечего и говорить, что команда Суоми очень рассчитывала на эту высокую, опытную и сильную гонщицу, уже завершающую свой спортивный путь. И надо же, чтобы жребий поставил двух сильнейших лыжниц Саппоро почти рядом: Кайосмаа стартовала вскоре за Кулаковой, причем не только в гонке на 5 километров, но и на дистанции 10 километров. И вот в том и в другом случае, несмотря на тактическое преимущество, которое ей предоставил жребий, финская лыжница победить Кулакову не смогла, а в третий раз Кайосмаа снова увидела спину советской гонщицы, когда принимала эстафету на последнем этапе, и даже не пыталась оспаривать у нее золотую медаль.

Саппоро. Галина Кулакова на дистанции 5 километров. Фото ТАСС.

Я видел, как фоторепортеры в олимпийской деревне снимали Галю Кулакову с тремя золотыми медалями. Все золото Саппоро увезла она в родной Ижевск! На пресс-конференции, когда один из японских журналистов спросил ее, рассчитывала ли она на такой успех, Галя ответила:

— Для меня самым важным было, чтобы чемпионские медали остались в нашей команде.

Ровесница Кулаковой и вторая именинница олимпийской лыжни — 29-летняя горьковчанка Алевтина Олюнина и молодая гонщица Любовь Мухачева делят с Галиной Кулаковой ее победы...

Но вот позади триумф Саппоро, радостная встреча в Москве, выступления, рассказы. Потом пришел черед Ижевска, где сейчас вместе со своей сестрой Лидой живет учительница физкультуры Галя Кулакова. Она предпочла квартире в центре жилье на окраине города, поближе к лесу, ведь лыжник не может жить без снега. Как-то Галя призналась мне, что ей часто снятся заснеженные деревенские просторы.

ГАТСТВА ОПЕРЕТТЫ

«Девичий переполох», написанный композитором Юрием Милютиным и драматургами Михаилом Гальпериным и Виктором Типотом более четверти века тому назад, впервые был поставлен на столичной сцене еще в 1950 году. Уже тогда зрители с теплотой встретили спектакль, искрившийся народным юмором, прославлявший торжество подлинной любви.

Мелодичная музыка, пронизанная интонациями старых русских песен, еще ярче оттеняла народность оперетты, созданной на основе одноименной пьесы Виктора Крылова, с веселым озорством высмеивающей закоснелое невежество бояр, которые устроили вселенские смотрины своих дочерей для выбора царской невесты... Эта пьеса лучшая в драматургии Виктора Крылова, но Московский театр оперетты справедливо нашел нужным еще и дополнительно поработать над произведением, чем избавил нынешний спектакль от былого налета штампов...

В новой редакции пьеса стала сатиричней, ярче. В ней проступило жизнелюбивое народное начало; спектакль приобрел более законченную форму.

Художественный руководитель театра Георгий Ансимов осуществляет постановку как задорную, темпераментную «то ли сказку, то ли быль», рассказываемую зрителям неугомонным скоморохом Тимофеем Бесомыкой. Такое решение замысла позволило постановщику со вкусом использовать богатую палитру художественных средств оперетты.

Используя красочное искусство русского лубка, художник М. Соколова и дирижер Г. Черкасов стали творческими единомышленниками режиссера. Это дало единство и целостность интересному спектаклю, во многом экспериментальному в лучшем смысле слова.

Уходя с «Девичьего переполоха», я не мог не вспомнить слов А. В. Луначарского, обращенных в тяжелую пору гражданской войны к талантливейшим мастерам опереточного жанра Е. Потопчиной и Г. Ярону: «Оперетта всегда была одной из самых близких к народным массам театральных форм. Только надо ее очистить от всего наносного, пустить по правильному руслу».

«Девичий переполох» пущен по правильному руслу Г. Ансимовым. Отсюда изобилие актерских удач в спектакле. Легкий ритм, изящество, искреннее веселье — все это есть у Татьяны Шмыги в роли воеводской дочери Марфы... Поистине неувядаемым мастерством блеснула, как всегда, Ольга Власова в роли старой няньки Матвеевны... Роль боярина Сапун-Тюфякина, исполненная В. Богачевым, выдвигает его в первые ряды актерского коллектива, — и дело тут не только в изощренной комедийной технике, а в подлинной одаренности молодого актера, настойчиво ищущего свежих комедийных приемов...

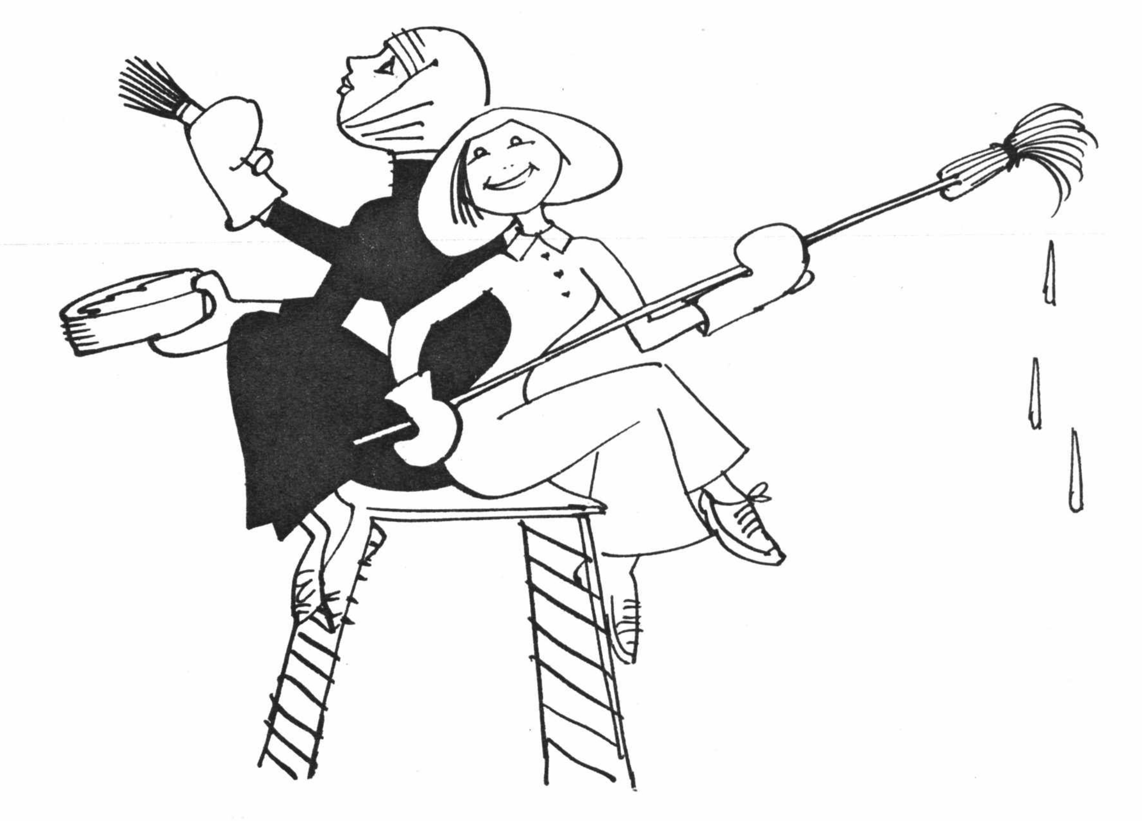
Из молодых исполнителей следует отметить обаятельного В. Мишле в роли скомороха Бесомыки, лукавую и ревнивую жену скомороха, динамичную Э. Ряховскую... Самую голубую в спектакле роль влюбленного в Марфу Юрия Токмакова исполняет Г. Васильев. Стремясь отойти от шаблонных примет героя-любовника, он сумел предложить роли новые краски и оттенки...

Постановка «Девичьего переполоха» не может не натолкнуть на размышления всех, кто творчески причастен к чудесному жанру оперетты. Спектакль весомо подтверждает, что не одни только классические и тем более венские оперетты остаются репертуарным кладезем для наших театров. Нет, то лучшее, что создано И. Дунаевским, Ю. Милютиным, В. Соловьевым-Седым, Б. Александровым и их соавторами-драматургами, было и остается драгоценным достоянием музыкальных театров страны.

КРУШЕНИЕ КАНОНОВ

Рисунок В. Воеводина.

Леонид ЛЕНЧ

С чем только наши сатирики и юмористы не сравнивали квартирный ремонт!

С землетрясением, с цунами, с бомбежкой, с пожаром на той его стадии, когда огонь уже потушен и пожарные уехали, а погорельцы, размазывая сиротские слезы по закопченным щекам, стоят на пороге своего чудом спасенного жилища и подсчитывают в уме, во что обойдется им разрушительный разгул огненной стихии и молодецкая энергия спасателей.

А маляр — этот главный герой квартирного ремонта?!

Его зловещий образ тоже прочно заштампован — нужно лишь поднять руку, чтобы снять с литературной полочки заготовленные давным-давно отдельные живописные его детали: красный нос, вислые усы, кисть на плече и хриплый, пропитой бас. Что касается словесного орнамента, то и здесь набор комических реплик тоже давно известен и не раз испытан в литературной практике: «Наше дело — шпаклевать, а на ваше — наплевать!», «Хозяин, тут без пол-литра купорос не возьмешь!», «Хозяйка, что-то у меня кисть рассохлась, надо бы ее — хе-хе! — смочить!» И так далее.

Недавно мне пришлось делать косметический ремонт в своей квартире. Не скрою, что, затевая его, я был подавлен — и в этом были повинны мои коллеги сатирики и юмористы: перечитывая их смешные произведения, я смеялся до слез... от самых мрачных предчувствий, которые скопом лезли в мою бедную голову!

Чему быть, однако, того не миновать. Я сделал заказ на ремонт в соответствующей конторе, подписал смету, уплатил деньги и стал ждать появления канонического красноносого, как Дед Мороз, обладателя хриплого баса.

В точно назначенный день и час раздался звонок, я отворил дверь и... замер: на пороге стояла девушка лет девятнадцати, не больше, хорошенькая, румяная, голубоглазая, в вязаной шапочке кораллового цвета, в таких же рукавичках и в высоких ладных сапожках.

— Откуда ты, прелестное дитя? — спросил я ее речитативом.

— Из бюро ремонта! — сказало прелестное дитя, сняла варежку и, протянув мне маленькую, крепкую ручку, представилась: — Таня!

Если бы я не годился ей в деды, я бы ответил: «Леня!», — но, увы, пришлось сказать, что меня зовут Леонидом Сергеевичем.

Таня сняла пальтишко, шапочку, поправила перед зеркалом в прихожей белокурые кудряшки и деловито спросила:

— Покажите мне фронт работ!

Я показал ей «фронт работ». Потом мы сели друг против друга в моем кабинете, и Таня с той же деловитостью сказала:

— Сейчас приедет Паша, моя напарница, привезет инструментарий, и начнем потихоньку!.. Что это вы, Леонид Сергеевич, вроде как побледнели?

— Нет, ничего, это свет так падает. Паша такая же, как вы, по возрасту, Таня?

— Постарше. Она уже замужем.

— А вы?

— Мне еще рано хомут надевать, поучиться нужно. Я занимаюсь в вечерней школе, в одиннадцатом классе. И на институт нацелилась.

— Вы из каких мест?

— Помните кино такое было: «Бабы рязанские»?

— Есенинская землячка?

— Константиново от нас недалеко.

Тут раздался звонок: это прибыла Паша с инструментарием. Она оказалась высокой черноглазой брюнеткой южнорусского типа.

Мои маляры прошли в спальню, уже освобожденную от мебели, переоделись в спецовки, повязали головы марлевыми косынками, показались мне во всем своем производственном великолепии... И ремонт начался!

Я сидел в кабинете, заставленном сдвинутой со всех мест мебелью, и читал присланную мне на отзыв рукопись начинающего юмориста.

В рассказе очень смешно был описан ремонт в квартире. Ну, конечно, там был маляр установленного образца, он вошел в комнату и сказал:

— Хозяин, что-то у меня кисть рассохлась, надо бы ее — хе-хе! — смочить!

Именно в эту минуту в мой кабинет тихо вошла Паша и робко сказала:

— Леонид Сергеевич, извините, пожалуйста, можно мне по телефону позвонить?

— Звоните!

Паша набрала номер. Разговор ее я запомнил дословно:

— Маша, это ты?.. Это Паша говорит!.. Ну, как там мой, не видала?.. Что ты говоришь!.. Как же это она на него смотрит?.. Как змея?.. Так она, гадюка, и есть змея!.. А он как?.. Посмеивается?! Я сейчас приеду, я ему, кудлатому, покажу смешки!..

Она бросила трубку на рычаг и выскользнула из кабинета. Через десять минут уже в платье прошла по коридору в прихожую, надела пальто и ушла. В кабинете появилась Таня, смущенная и улыбающаяся.

— Леонид Сергеевич, у Паши получился купорос с мужем. Он работает в нашей конторе — такой интересный шатен и молодой еще. Паша его ужасно ревнует. Ей сейчас по телефону кое-что сообщили. Паша смотается к нему на работу, приведет его в чувство и вернется. Вы не беспокойтесь, я справлюсь одна, ваши интересы заказчика не пострадают.

В тот день Паша на работу, однако, не вернулась — по-видимому, за один приезд привести в чувство своего шатена ей не удалось. Таня работала одна. Утром на следующий день они появились вдвоем. Паша — мрачная, с тревожным блеском в глазах, Таня — улыбающаяся и полная энергии. Они надели спецовки и стали оклеивать обоями спальню. Работали они быстро, ловко, я заметил, что Паша руководит действиями своей подружки, а Таня охотно ей подчиняется.

Когда с оклейкой спальни было покончено, Паша вошла ко мне в кабинет и так деликатно попросила:

— Леонид Сергеевич, можно мне по телефону позвонить?

— Звоните!

Паша набрала номер. Вот — текстуально — ее второй разговор:

— Маша, это ты?.. Ну, да, да, да, Паша, кто же еще!.. Чего там у тебя видно и слышно?.. Ушел?!. Куда?.. Не сказал! А гадюка?.. Тоже ушла! Значит, вдвоем куда-то выкатились!.. Порознь?.. Вышли порознь, а за воротами объединились — дело знакомое! Мария, я сейчас приеду, а ты — молчок, поняла?! Выезжаю!

В общем, повторилась вчерашняя история. Таня осталась одна. Она перенесла свою стремянку в другую комнату и стала, напевая, обрабатывать потолок.

Постепенно страх стал овладевать мною. «Конечно, ремонт не землетрясение и не цунами,— думал я,— но и не пикник на лоне природы в выходной день! А что если конфликт у Паши с мужем затянется и осложнится? Таня же физически не может одна справиться с ремонтом! Тогда я погиб».

В квартире было тихо. Таня больше не пела. Я пошел к ней. Есенинская землячка в курточке и в штанах, заляпанных известкой, сидела, пригорюнившись, как Аленушка, на табурете посередине комнаты. В углу стояли кисть и побелочный аппарат. Мне все стало ясно: у Тани свои любовные неприятности, и это обязательно отразится на моих «интересах заказчика». Ремонт затянется на неопределенное время, и вот тогда-то он и превратится в землетрясение, в цунами или в пожар на роковой стадии подсчета убытков!

Таня молча подняла на меня мученические, томные глаза.

— Плохо вам, Таня!

— Ой, плохо, Леонид Сергеевич!

— Он вас сильно мучает?

— Мучает, проклятый!

— Таня,— сказал я, стараясь быть максимально деликатным,— я не знаю подробностей, но... в таких случаях нужно быть решительной и... сразу рвать. Я понимаю, что это трудно, но... так лучше, верьте мне... Вам жалко? Он что?.. Такой хороший?

— Да какой он там хороший!— Таня махнула рукой.— Искрошился уже весь!

— Кто искрошился, Таня?!— ужаснулся я.

— Зуб!— скривившись, простонала Таня.— Мне давно девчонки советуют: вырви! А я боюсь. Я еще ни разу в жизни зубов не рвала!

— Идемте в нашу поликлинику, Таня!— сказал я, не скрывая своей радости.— Ручаюсь вам, что через полчаса вы воскреснете для жизни и для ремонта!

Я привел своего маляра в поликлинику, прошел в зубной кабинет и, не жалея красок, обрисовал милейшей Валерии Николаевне трагикомизм своей ремонтной ситуации.

— Вырвите зуб моему маляру, Валерия Николаевна, спасите меня!— закончил я свой монолог, сложив ладони вместе, как на молитве в католическом храме.

Валерия Николаевна даже бровью не повела.

— Ну, конечно, я вырву зуб вашему маляру. Тем более что изо всех элементов нашей зубоврачебной работы я больше всего люблю удаление. (Тут красивое лицо Валерии Николаевны озарила улыбка довольно хищная, как мне показалось.) Покажите мне вашего маляра!

Я отворил дверь в коридор и показал зубному врачу моего маляра. Таня сидела на стуле, сжавшись в комочек, и нам было видно, что она вся дрожит.

— Вот это дите? — усмехнулась Валерия Николаевна.— Ступайте домой и ждите ее. Не волнуйтесь, все будет в порядке.

Через полчаса счастливая и сияющая Таня, напевая, уже орудовала у меня в квартире побелочным аппаратом. Паша явилась к концу дня. Лицо у нее было умиротворенно-спокойное. Подруги поговорили наедине, потом Таня пришла ко мне в кабинет и сказала:

— Леонид Сергеевич, Паша привела своего супруга в чувство, так что вы не беспокойтесь, работу мы закончим в срок, ваши интересы заказчика не пострадают.

И они действительно закончили у меня ремонт точно по плану. И сделали его отлично. И мои интересы заказчика не пострадали. И я со всей ответственностью — моральной, само собой разумеется!— теперь советую всем: не бойтесь ремонта, он освежит не только ваше жилище, но и вашу душу. Но — на всякий случай!— просите, чтобы вам прислали для работы женщин-маляров. С женщинами все-таки как-то спокойней, несмотря ни на что.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

«ИЗБРАННОЕ ИЗ МАГНИТОФОННОЙ ЗАПИСИ»

Репортаж под таким заголовком («Огонек» № 2 за 1972 год) отмечал, что, несмотря на успехи сферы услуг, она еще отстает от потребностей населения. В репортаже приводились примеры грубости и невнимания, которыми до сих пор страдают некоторые сотрудники сервисных служб. Возросшее благосостояние наших людей предполагает более быстрый, чем сейчас, рост предприятий торговли и бытового обслуживания, улучшение работы существующих, расширение видов оказываемых услуг.

Об этом шел разговор в отделе торговли и бытового обслуживания Комитета народного контроля СССР, где обсуждалось выступление «Огонька». Заместитель заведующего отделом торговли и бытового обслуживания комитета В. М. Мироненко говорил о злободневности поднятого журналом вопроса, о том, что в сфере обслуживания нет и не может быть мелочей; бестактность одного человека, скажем, приемщика, в самом лучшем по показателям ателье сводит на нет успехи коллектива. Любая мелочь может перерасти в крупную проблему, потому что каждая проблема состоит в конце концов из так называемых мелочей.

— У москвичей многому учатся. В Москве действительно есть чему поучиться. Тем более велика ответственность москвичей за образцовую организацию службы быта.

— Статья в «Огоньке» вызвала у нас тревогу и озабоченность состоянием дела. Мы еще раз почувствовали, что даже самое незначительное на первый взгляд упущение становится серьезным тормозом в улучшении обслуживания населения,— сказал, выступая на совещании, начальник управления бытового и коммунального обслуживания Мосгорисполкома Б. Е. Самаренко.— За последнее время в Москве ведется работа по укреплению материально-технической базы бытового обслуживания, совершенствованию организации производства. За пять лет введено в строй 1 384 различных предприятия. В их числе четыре фабрики-прачечные, 26 ателье срочной химчистки и прачечных самообслуживания, завод по ремонту электробытовых приборов, две бани, завод по ремонту радиоаппаратуры. Сейчас предприятия службы быта оказывают 380 различных видов услуг, 69 из них — новые. 500 тысяч человек пользуются ежедневно столичным сервисом.

Большое внимание уделяется развитию и расширению новых, более прогрессивных форм обслуживания, таких, в частности, как прием и доставка заказов на дом и по месту работы. За 1971 год было принято на дому, в предприятиях, учреждениях и общежитиях около шести миллионов заказов на различные виды услуг.

— И тем не менее, несмотря на проделанную работу, уровень обслуживания еще не удовлетворяет возросшие запросы населения,— сказал тов. Самаренко.

— В статье «Избранное из магнитофонной записи», опубликованной в журнале «Огонек», в основном правильно освещаются факты грубого и формального отношения к своим обязанностям некоторых работников мастерских,— отметил в своем выступлении заместитель начальника московского управления пошива и ремонта одежды по индивидуальным заказам населения В. А. Борисенко. Он сообщил о мерах, принятых по выступлению журнала на предприятиях управления.

Надо полагать, что и взыскания, наложенные на конкретных виновников, и ряд принятых и осуществляемых организационных мер — все это поможет повышать культуру работы службы быта. Не последнюю роль здесь играют меры воспитательные. Об этом говорил заместитель министра бытового обслуживания населения РСФСР Б. А. Самойлов. Он рассказал о целой системе воспитательных мер в коллективах бытового обслуживания, системе, которая сейчас разрабатывается и частично уже применяется.

На совещании выступил также заместитель председателя московского городского комитета народного контроля В. А. Власов.

Участники совещания — руководители ателье, мастерских, руководители групп народного контроля предприятий сферы обслуживания — говорили о том, что они делают сейчас для улучшения деятельности одной из важных отраслей народного хозяйства, имеющей непосредственное отношение к каждому человеку, той самой отрасли, где план не самое главное и в основе которой — забота о нашем с вами хорошем настроении.

* * *

В редакцию пришло письмо из управления бытового и коммунального обслуживания Мосгорисполкома. Начальник управления Б. Самаренко сообщает, что корреспонденция «Избранное из магнитофонной записи» обсуждена на расширенном заседании коллегии управления с участием всех руководителей городских предприятий и районных управлений.

Коллегия отметила, что корреспонденция правильно освещает факты грубого и формального отношения к населению со стороны некоторых работников мастерских службы быта. Своевременно ставится вопрос о необходимости повышения культуры обслуживания населения, о более чутком и внимательном отношении к запросам трудящихся.

Коллегия обратила внимание руководителей городских предприятий и организаций и начальников районных управлений на их ответственность за повышение культуры обслуживания населения. Корреспонденция «Избранное из магнитофонной записи» будет обсуждена в коллективах ателье, мастерских, парикмахерских и приемных пунктов.

Коллегия строго указала начальникам управлений бытового и коммунального обслуживания Свердловского района тов. Шапошникову, Ленинградского района тов. Митрофанову, Фрунзенского района тов. Ершову и директору завода «Мосремэлектробытприбор» тов. Жмурову на отсутствие должной воспитательной работы в коллективах мастерских, в результате чего были допущены случаи грубости и нарушения правил приема и оформления заказов.

Работники, допустившие грубость и нарушение правил приема и оформления заказов, отмеченные в корреспонденции, наказаны.

Фото ТАСС, ЮПИ, из журналов «Лайф» и «Тайм».

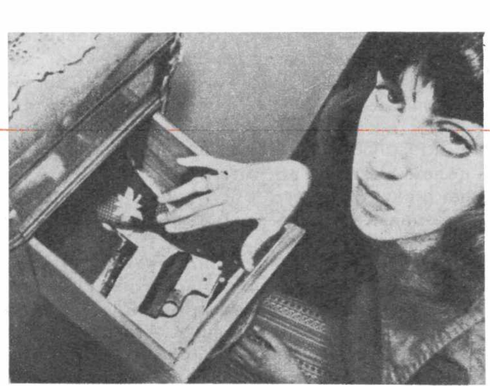

Однажды двое рыбаков на тихоокеанском острове Гуам случайно обнаружили в джунглях одетого в лохмотья человека, который расставлял в реке ловушки для рыбы. Они доставили его в полицию, где он сказал, что его зовут Сиоти Иокои и он сержант японской армии. Сиоти Иокои сообщил, что скрывается в джунглях с лета 1944 года, когда американские войска заняли оккупированный японцами Гуам. Во время пребывания в госпитале острова современный Робинзон поведал журналистам о своей одиссее.

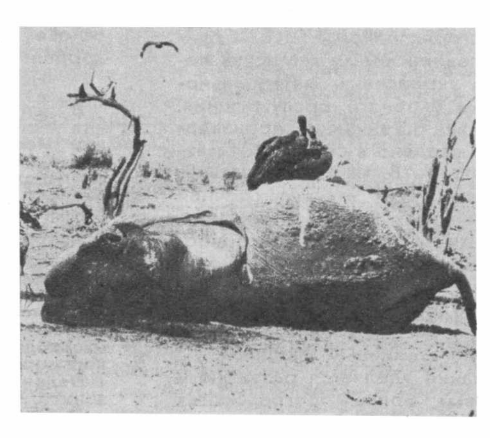
— Сначала,— сказал он,— нас было десять человек. Один за другим они уходили из жизни, кто от голода и болезней, кто покончив с собой. Наконец пришло время, когда я остался только один.

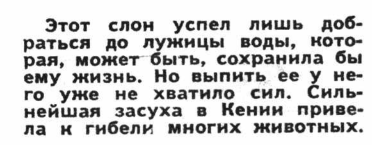
Сиоти Иокои вел свой календарь, делая пометки на дереве при каждом новом полнолунии. Еды в джунглях хватало. Он питался плодами манго, орехами, крабами, улитками. У него, бывшего портного, чудом сохранились ножницы. Ими он стригся, с их помощью мастерил себе нехитрую одежонку из пальмовых листьев. Его домом стала нора, которую он тщательно замаскировал. Сиоти Иокои был явно смущен столь неожиданным возвращением к цивилизации. «Все это похоже на сон,— сказал он,— и я боюсь пробудиться». Он добавил, что по возвращении на родину в Японию «хотел бы взобраться на высокую гору и оставаться там в одиночестве долго, долго».

Молодая американка по имени Мэри Энн Генз не член банды преступников. Как раз наоборот. Револьвер предназначен для самообороны от возможных нападений гангстеров. Обычно скорая на расправу с борцами за мир и демократию, полиция не в состоянии обеспечить безопасность американцев. И поэтому многие из них вынуждены приобретать огнестрельное оружие для защиты собственной жизни и домашнего очага от разгула бандитизма, ставшего для них постоянной угрозой.

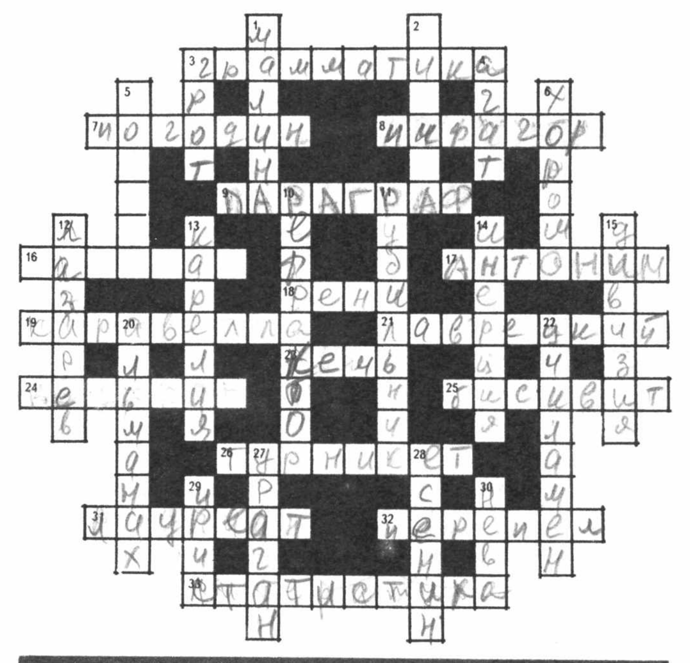

Этот слон успел лишь добраться до лужицы воды, которая, может быть, сохранила бы ему жизнь. Но выпить ее у него уже не хватило сил. Сильнейшая засуха в Кении привела к гибели многих животных.

Миссис Лили Пейви из Лондона не машинистка, а изобретательница. Стараясь облегчить работу студентам и школьникам, она создала необычные приспособления. Например, с помощью одного из них можно печатать мелодию с голоса или музыкального инструмента, используя клавиши с нотными знаками. Другое ее изобретение предназначено для записи математических знаков и формул.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Раздел лингвистики. 7. Советский драматург. 8. Древнегреческий философ и математик. 9. Часть текста, начинающаяся с новой строки и имеющая самостоятельное значение. 16. Духовой инструмент народов Средней Азии и Кавказа. 17. Слово с противоположным по отношению к другому слову значением. 18. Порт на Дунае. 19. Старинное трехмачтовое судно. 21. Персонаж романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо». 23. Приток Оби. 24. Созвездие северного полушария неба. 25. Кондитерское изделие. 26. Вертящееся устройство, устанавливаемое при входе. 31. Победитель в конкурсе. 32. Лесная птица. 33. Общественная наука.

По вертикали: 1. Ягода. 2. Басня И. А. Крылова. 3. Пещера. 4. Полудрагоценный камень. 5. Материал для нанесения изображений на переплеты книг. 6. Поэма В. Маяковского. 10. Тип телескопа. 11. Выключатель для электрических цепей. 12. Флотоводец, исследователь Антарктики. 13. Автономная советская республика. 14. Свойство тела сохранять состояние покоя или движения. 15. Войсковое соединение. 20. Сборник литературных произведений. 22. Альпийская фиалка. 27. Ветер разрушительной силы. 28. Советский поэт. 29. Сорт конфет. 30. Река в Ленинградской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали: 3. Эльбрус. 6. Андромеда. 7. Отара. 9. Декрет. 11. Лесков. 17. Челеста. 18. Агама. 19. Облучок. 20. Маяковский. 21. Планерское. 23. Дарлинг. 25. Каюта. 26. Мефодий. 27. Лавсан. 28. Ястреб. 29. «Кукла». 31. Серпантин. 32. «Дикарка».

По вертикали: 1. Кладно. 2. Мурена. 4. «Баядера». 5. Магнето. 8. Абзац. 10. Кустодиев. 12. Калорифер. 13. Деканат. 14. «Калинка». 15. Варлаам. 16. Полоний. 22. Тюбик. 24. Гданьск. 26. Маслина. 29. Карниз. 30. Аптека.

На первой странице обложки: Лыжная гонщица Галина Кулакова, обладательница трех золотых медалей XI Белой Олимпиады. (См. в номере репортаж «Все золото Саппоро».)

Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: «Девичий переполох» в Московском театре оперетты. Вверху сцена из 1-го акта; внизу слева: Э. Ряховская в роли Настасьи, скоморох — В. Мишле; справа: Марфа — народная артистка РСФСР Т. Шмыга и Токмаков — Г. Васильев.

Фото Е. Умнова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 15/II-72 г. А 00637. Подп. к печ. 29/II-72 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 445. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2579.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ИЗОЧАЙНВОРД «ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ»

Предлагаем читателям изочайнворд, придуманный и нарисованный художником Ю. Черепановым.

Отгадайте подписи к рисункам и внесите их в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д.

Фамилии читателей, первыми приславших правильные ответы на изочайнворд, будут опубликованы в журнале.

ОТВЕТЫ НА ИЗОЧАЙНВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

1. Снегурочка. 2. Атлет. 3. Таран. 4. Новичок. 5. Карнавал. 6. Лимит. 7. Торшер. 8. Рационализатор. 9. Резонанс. 10. Сюрприз. 11. Зарядка.

Первыми правильные ответы прислали: К. Сварчевская, О. И. Любченко, семья Преображенских, В. Ф. Головачев, А. Л. Рабинович, А. К. Кирьянов, А. А. Егунов, семья Курцбарт, Л. С. и Г. Б. Игитовы, В. И. Коржов, Н. Цыганков, И. и Т. Павловы, Л. М. Рогель, Н. Хлебников, В. Чистов, семья Албул, Б. Я. Кукин, В. С. и Т. М. Пономаревы, И. Глухова, семья Дадашевых, И. М. Верховская, Л. Е. Ворошилова, Е. Н. и Л. Г. Селезневы.

1

2

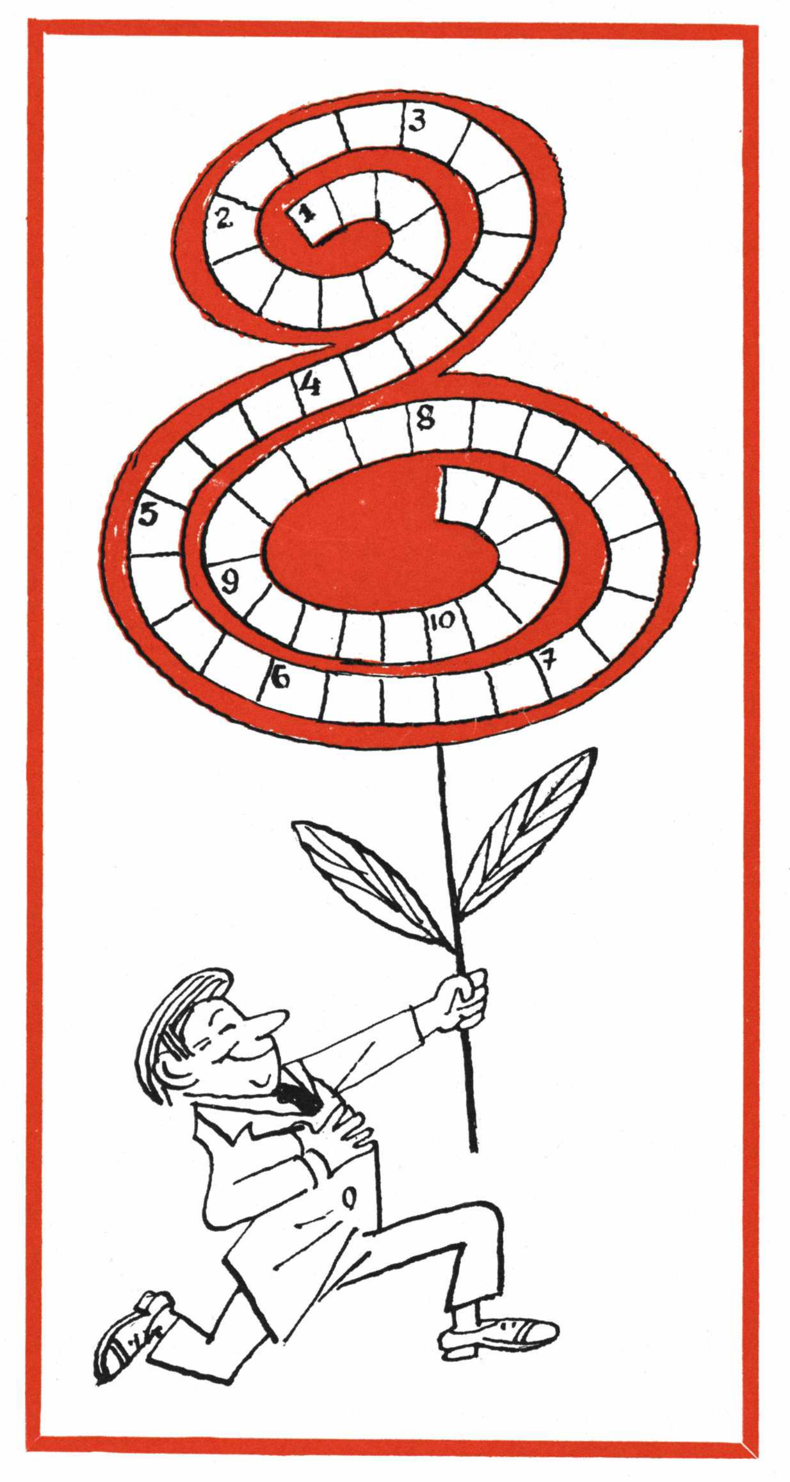
3

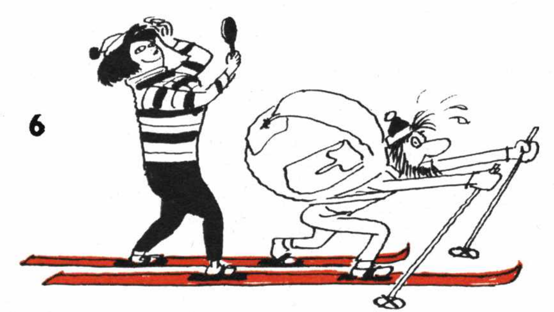

4

5
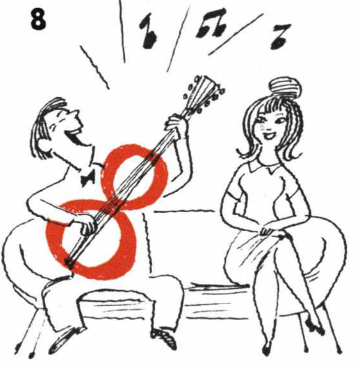

6

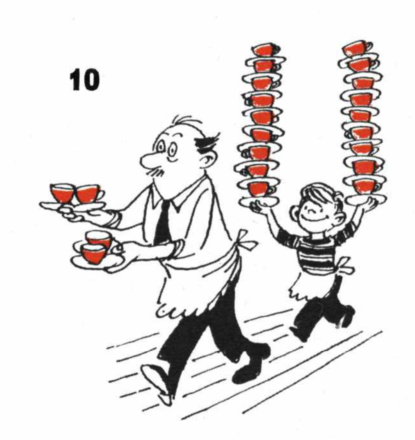
7

8

9

10

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.